

ОТ АВТОРА МЕЖДУНАРОДНОГО БЕСТСЕЛЛЕРА
«ЗОВ КУКУШКИ»

ШЕЛКОПРЯД

Гэлбрейт пишет с необычными для детективного жанра юмором и теплотой; он столь умело проводит нас через все хитросплетения сюжета, что мы теряем счет времени.

The Seattle Times

РОБЕРТ ГЭЛБРЕЙТ

Annotation

После исчезновения писателя Оуэна Куайна его жена обращается к частному сыщику Корморану Страйку. Полагая, что муж просто скрывается от родных, как случилось уже не раз, Леонора Куайн поручает Страйку найти беглеца и вернуть в лоно семьи. Но в ходе расследования Страйк понимает, что дело обстоит куда серьезнее, чем кажется Леоноре. Оуэн Куайн забрал с собой рукопись нового романа, где выставил в неприглядном свете едва ли не всех своих знакомых, включая весьма известных и влиятельных лиц. Писатель ломает их судьбы, если не откажется от публикации. Неудивительно, что многие хотели бы заставить его умолкнуть.

Вскоре Страйк выясняет, что Куайн стал жертвой чудовищного убийства. Теперь необходимо просчитать мотивы неслыханно жестокого, изощренного преступника.

Увлекательный детектив с неожиданными поворотами сюжета, «Шелкопряд» – второе произведение из цикла романов о Корморане Страйке и его решительной помощнице Робин Эллакотт.

Роберт Гэлбрейт

Шелкопряд

* * *

Посвящается Дженкинсу, без которого... остальное он знает сам

...Для меня подмости – кровь и мценье, фабула – смерть; меч, обгаренный кровью, – это беглое перо, а поэт – грозная, трагическая фигура на котурнах, в венке, только не из листьев лавра, но из горящего запального фитиля.

Томас Деккер.

Благородный испанский воин

ВОПРОС:

Твой хлеб насущный?

ОТВЕТ:

Ночь без сна.

Томас Деккер.

Благородный испанский воин

– Чтоб ему провалиться, Страйк, – отозвался хриплый голос в трубке, – этому титулованному кренделю.

Крупный небритый человек, тяжело шагавший сквозь предрассветную мглу поздней осени, усмехнулся, прижимая к уху мобильный:

– Похоже, ждать осталось недолго.

– Черт возьми, сейчас шесть утра!

– Полседьмого, но, если тебе нужно то, что у меня есть, выходи, – сказал Корморан Страйк. – Я недалеко от твоего дома. Тут рядом...

– Откуда ты знаешь, где я живу? – насторожился голос.

– Ты же сам рассказывал, – Страйк подавил зевок, – что продаешь квартиру.

– Ну-ну, – успокоился его собеседник. – Хорошая память.

– Тут рядом круглосуточное...

– До пошло оно куда подальше. Приезжай в нормальное время ко мне в редакцию...

– Калпеппер, в нормальное время у меня встреча с другим клиентом, который платит получше тебя, да тому же я всю ночь был на ногах. Если собираешься воспользоваться тем, что я раскопал, – поспеши...

Стон. До Страйка донеслось шуршание постели.

– Если это какое-нибудь фуфло, я за себя не отвечаю.

– ...кафе «Смитфилд» на Лонг-лейн, – закончил Страйк и отсоединился.

Легкая неровность его походки стала особенно заметной, когда он зашагал под горку к темной монолитной глыбе Смитфилдского рынка – необъятному прямоугольному храму мяса, откуда по будням, с четырех часов утра, отгружалась, как и много веков назад, плоть забитых животных, разрубленная и разделанная для поставки в мясные магазины и рестораны Лондона. Сквозь темноту Страйк слышал громогласные команды, отдаваемые невидимыми распорядителями, а также рев и сигналы грузовиков, доставляющих туши на разгрузку. Свернув на Лонг-лейн, он слился с толпой закутанных в теплые шарфы мужчин, целенаправленно шагающих навстречу обыденному рабочему понедельнику.

На углу рынка, под сторожевым каменным грифоном, сгрудились флуоресцирующие жилеты: это курьеры, не снимая перчаток, остановились согреться обжигающим кофе. Через дорогу светилось в темноте, как открытый камин, круглосуточное кафе «Смитфилд» – забегаловка размером с чулан, где круглые сутки можно было укрыться от непогоды и утолить голод жирными закусками.

При кафе даже не было уборной, поэтому владельцы договорились с букмекерской конторой фирмы «Лэдбрукс». Но букмекеры открывались только через три часа, так что

Страйку пришлось свернуть в какой-то переулок и там в темной подворотне облегчиться после дрянного кофе, выпитого в ходе ночной экспедиции. Усталый и голодный, но счастливый, каким может быть только тот, кто терпел буквально до последнего, он наконец-то втянул запах разогретого жира и яичницы с беконом. Один из столиков только что освободили двое мужчин в водонепроницаемых спецовках поверх флисовых курток. Страйк неуклюже протиснулся к жесткому стулу из дерева и металла и, довольно отдуваясь, сел за стол. Хозяин-итальянец тут же поставил перед ним высокую белую кружку чая и треугольные ломтики теплых тостов с маслом. Не прошло и пяти минут, как Страйку принесли полный английский завтрак на большой овальной тарелке. Среди здоровенных грузчиков, которые беспрестанно вваливались в забегаловку и вскоре уходили, Страйк почти не выделялся. Рослый, смуглый, с жесткими, густыми курчавыми волосами, слегка отступившими над высоким, крутым лбом, он опустил широкий боксерский нос и нахмурил густые брови. На подбородке чернела щетина; под карими глазами пролегли тени, больше похожие на синяки. За едой он сонно смотрел в окно, на здание рынка. Светало; ближайший сводчатый въезд под номером два мало-помалу приобретал четкие очертания; суровое каменное лицо бородатого старца, украшавшее арочный проем, отвечало Страйку пристальным взглядом. Не поклонялись ли древние богу мясных туш?

В тот момент, когда Страйк принялся за сосиски, появился Доминик Калпеппер. Журналист был почти такого же роста, как Страйк, но сохранил цвет лица мальчонки-хориста. Его можно было бы назвать по-девичьи смазливый, если бы не странно асимметричные черты, будто насильно повернутые чьей-то рукой против часовой стрелки.

– Ну, если это – фигня, берегись. – Калпеппер опустил на стул и, сняв перчатки, с подозрением огляделся.

– Есть будешь? – с набитым ртом спросил Страйк.

– Нет, – отрезал Калпеппер.

– Утром предпочитаешь круассанчик? – ухмыльнулся Страйк.

– Не нарывайся, Страйк.

Парень заводился с полоборота. На нем лежал неистребимый отпечаток дорогой частной школы. С вызывающим видом он заказал себе чай, обратившись к равнодушному официанту «братан», чем немало повеселил Страйка.

– Ну? – потребовал Калпеппер, сжимая горячую кружку длинными бледными пальцами.

Вытащив из кармана пальто конверт, Страйк бросил его через стол. Калпеппер вытащил содержимое и начал читать.

– Твою ж мать, – пробормотал он некоторое время спустя и лихорадочно перебрал листки бумаги, частично исписанные почерком Страйка. – Откуда ты это взял?

Уминая сосиски, Страйк ткнул пальцем в какой-то адрес, нацарапанный на одном из листков.

– От личной секретарши этого деятеля – у нее на босса зуб, – выговорил он, проглотив наконец еду. – Он крутил шашни и с ней, и с двумя другими, уже тебе известными. До бедняжки только теперь дошло, что ей не светит заделаться очередной леди Паркер.

– Но как ты это раскопал, черт тебя дери? – спросил Калпеппер, в упор глядя на Страйка поверх дрожащих в руке листков.

– Произвел оперативные действия, – промышчал Страйк, опять набив рот. – Разве ваша братия не делала то же самое, пока не доперла, что нужно пользоваться услугами таких, как я? Но учти, Калпеппер, женщине придется подыскивать новую работу, поэтому она не хочет,

чтобы газеты полоскали ее имя, это понятно?

Калпеппер фыркнул:

– Раньше надо было думать, а то сперла...

Ловким движением Страйк выхватил у него записи.

– Ничего она не сперла. Вчера, под конец рабочего дня, он сам велел ей это распечатать. Единственный ее грех в том, что она показала это мне. Но если ты, Калпеппер, собираешься вывернуть наизнанку ее личную жизнь, то это без меня.

– Дай сюда. – Калпеппер попытался вырвать улики из волосатой руки Страйка. – Ладно, умолчим об этой дамочке. Но он все равно догадается, откуда у нас эти сведения. Он же не полный идиот.

– И что он сделает – потащит ее в суд, где она прилюдно выложит все, чего насмотрелась за эти пять лет?

– Ну что ж, – вздохнул Калпеппер после недолгого размышления, – отдай. Я не буду разглашать ее имя, но мне ведь придется с ней побеседовать, ты согласен? Проверить – может, она врет.

– Документы не врут. А беседовать с ней тебе ни к чему, – твердо сказал Страйк.

Дрожащую, обезумевшую, бессовестно обманутую женщину, от которой он только вышел, нельзя было знакомить с Калпеппером. В своем неудержимом желании поквитаться с человеком, который обещал ей детей и брачные узы, она могла нанести непоправимый вред себе самой и своему будущему. Страйку не составило труда завоевать ее доверие. Ей было почти сорок два года; она мечтала родить детей лорду Паркеру; теперь ею владела только жажда кровавой мести. Страйк провел у нее не один час: женщина в слезах раскачивалась вперед-назад на диване, загоразивая лицо кулаками, потом металась по гостиной и неумолчно изливала душу. В конце концов она согласилась на это предательство, которое похоронит все ее надежды.

– Значит, ее имя в газете фигурировать не будет, – повторил Страйк, сжимая бумаги в кулаке размером вдвое больше, чем у Калпеппера. – Усек? Этот материал и без нее станет бомбой.

Помедлив и скривившись, Калпеппер сдался:

– Ладно, как скажешь. Давай сюда.

Журналист сунул документы во внутренний карман, залпом допил чай, и недолгая досада на Страйка, похоже, отступила перед радужной перспективой стереть в порошок члена палаты лордов.

– Лорд Паркер-Пенниуэлл, – радостно прошептал он, – вы увязли по самые помидоры, сэр.

– Надеюсь, твой редактор возьмет это на себя? – Страйк указал на положенный между ними счет.

– Да, конечно...

Калпеппер бросил на стол купюру в десять фунтов, и мужчины вместе вышли из кафе. Страйк тут же закурил.

– Как ты ее разговорил? – полубопытствовал Калпеппер, когда они шагали по морозу, мимо мотоциклов и грузовиков, по-прежнему сновавших у мясного рынка.

– Я ее выслушал, – ответил Страйк.

Калпеппер недоверчиво покосился в его сторону:

– Все другие частные сыщики, которые на меня работают, прослушивают телефоны.

– Это незаконно, – сказал Страйк, выпуская дым в светлеющий воздух.

– Но каким образом...

– Ты же не разглашаешь свои методы, позволь и мне не разглашать свои.

Какое-то время оба молчали; хромота Страйка делалась заметнее с каждым его шагом.

– Это будет бомба. Бомба, – радостно заговорил Калпеппер. – Лицемерный старпер что-то блял насчет алчности корпораций, а сам двадцать лимонов заныкал на Кайманах...

– Рад служить, – перебил его Страйк. – Счет пришлю мейлом.

Калпеппер в очередной раз бросил на него подозрительный взгляд:

– Читал на той неделе про сынка Тома Джонса?

– Тома Джонса?

– Ну да, певца, из Уэльса, – уточнил Калпеппер.

– А, этого, – равнодушно бросил Страйк. – У нас в полку тоже был Том Джонс.

– Так ты читал?..

– Нет.

– Шикарное интервью. Парень говорит, что никогда в жизни не встречался со своим папашей и вообще не имел с ним никаких контактов. Думаю, он срубил поболее, чем ты.

– Это мы еще посмотрим, когда ты получишь мой счет, – заметил Страйк.

– Да я так, к слову. Одно маленькое интервью – и сможешь на какое-то время забыть о слежке за секретаршами.

– Тема закрыта, – отрезал Страйк, – или больше на меня не рассчитывай, Калпеппер.

– Понятно, – сказал Калпеппер, – твою биографию я так или иначе смогу тиснуть. Отвергнутый сын рок-идола, герой войны, никогда в жизни не встречался с отцом, занимается частным...

– Насколько я знаю, подстрекательство к прослушке телефонов тоже незаконно.

В конце Лонг-лейн они замедлили шаг и повернулись лицом друг к другу. Смешок Калпеппера получился натянутым.

– Короче, присылай счет, буду ждать.

– Заметано.

Они разошлись в противоположные стороны; Страйк направился к метро.

– Страйк! – раздался у него за спиной голос Калпеппера. – Ты с ней переспал, что ли?

– Проверю, что ты напишешь, Калпеппер! – устало прокричал в ответ Страйк, не повернув головы.

Прихрамывая, он вошел под козырек станции метро, и Калпеппер потерял его из виду.

*Но долго ль нам сражаться? Мне недосуг,
Да и желанья нету медлить! Дела не ждут.*

Фрэнсис Бомонт, Филип Мессинджер.

Маленький французский адвокат

В вагоне подземки уже прибывало пассажиров. Утренние лица после выходных: отечные, изможденные, напряженные, замкнутые. Страйк нашел место напротив блондинки с припухшими глазами: она то и дело заваливалась набок, погружаясь в дремоту, но быстро выпрямлялась и начинала тревожно вглядываться в окно – боялась, что проехала свою остановку.

Поезд с лязгом и грохотом мчал Страйка вперед, к жалкому пристанищу в две с половиной комнатенки под дырявой кровлей. Усталое сознание, взятое в кольцо этих пустых, овечьих физиономий, пыталось разгадать, какие стечения обстоятельств привели к их появлению на свет. Ведь рождение, если вдуматься, – это всегда дело случая. Если сперматозоиды сотнями миллионов слепо плывут в потемках, можно только поражаться, каким образом человек становится сам собой. Сколько народу в этом вагоне появилось на свет запланированно, размышлял он, слабея от недосыпа, а сколько – подобно ему – по чистой случайности? В начальной школе с ним вместе училась девочка с багровым пятном во все лицо; Страйк всегда ощущал, что между ними есть тайное сходство: оба с рождения поневоле несли на себе неистребимое клеймо. Сами они его не замечали, но все остальные видели и не упускали случая о нем напомнить. Время от времени на Страйка обращали внимание совершенно посторонние люди; до пяти лет он объяснял это своей исключительностью, но впоследствии понял, что незнакомцы видели в нем не более чем зиготу известного певца, нечаянное свидетельство грешков знаменитости. Страйк встречался с родным отцом дважды. Джонни Рокби признал свое отцовство только после анализа ДНК.

Доминик Калпеппер стал ходячим воплощением бесцеремонного любопытства, с которым, правда, в последние годы Страйк сталкивался довольно редко: теперь мало кто связывал угрюмого отставника со стареющим рок-идолом. Когда на его пути все же встречались подобные любопытствующие субъекты, их мысли начинали метаться от доверительных фондов к жирным подачкам, от частных самолетов и VIP-салонов к неиссякаемой щедрости мультимиллионера. Видя, что Страйк работает на износ, но при этом живет весьма скромно, они задавались вопросом: чем же он вызвал отцовскую неприязнь? Или он только прикидывается бессребреником, чтобы тянуть деньги из Рокби? И куда подевались те миллионы, которые его мать, вне сомнения, отсудила у богатого любовника? В такие моменты Страйк ностальгически вспоминал армию, анонимность службы, когда твое прошлое, твое происхождение фактически ничего не значат, коль скоро ты способен делать свое дело. На собеседовании в Отделе специальных расследований самый личный вопрос свелся к тому, чтобы повторить два диковинных имени, которыми его наградила не в меру экстравагантная мать.

Когда Страйк вышел из метро, по Черинг-Кросс-роуд уже неслись потоки транспорта.

Занимался ноябрьский рассвет, серый и робкий, еще не избавившийся от запоздалых сумерек. Превозмогая усталость и боль, Страйк повернул на Денмарк-стрит и прикинул, что еще успеет немного вздремнуть до прихода первого клиента, назначенного на девять тридцать. Помахав продавщице гитарного магазина, с которой они частенько выходили на улицу покурить, Страйк толкнул черную входную дверь рядом с баром «12 тактов» и начал взбираться по металлической лестнице, огибавшей сломанную клетку лифта. Мимо графического дизайнера, занимающего второй этаж, мимо собственного офиса за гравированной стеклянной дверью третьего этажа – и на верхотуру, где была самая тесная площадка, за которой располагалось его нынешнее жилище. Предыдущий квартиросъемщик, управляющий нижним баром, перебрался в более комфортные условия, и Страйк, который несколько месяцев ночевал у себя в конторе, не упустил шанса снять жилье этажом выше, радуясь такому простому решению наболевшего квартирного вопроса. В мансарде было не повернуться, особенно человеку ростом под два метра. Он едва втискивался в душ; кухня оказалась совмещена с гостиной, а в спальню поместилась только двуспальная кровать. Кое-какие вещи пришлось оставить в коробках на лестничной площадке, невзирая на угрозы домовладельца. Маленькие оконца смотрели на городские крыши; внизу проходила Денмарк-стрит. Постоянное уханье басов из бара приглушалось высотой, а когда Страйк включал свою музыку, становилось и вовсе неслышным.

Во всем проявлялась его врожденная аккуратность: кровать всегда была застлана, посуда вымыта, вещи лежали на своих местах. Сейчас ему требовалось побриться и принять душ, но это могло подождать; повесив пальто, Страйк поставил будильник на девять двадцать и, как был в одежде, рухнул на кровать.

Заснул он через пару секунд, но почти сразу – или это только показалось – проснулся от стука:

– Прошу прощения, Корморан, извини, пожалуйста...

Он открыл дверь: на него виновато смотрела его помощница, высокая девушка с длинными золотисто-рыжими волосами; при виде Страйка она содрогнулась.

– Свалился замертво. Ночь не спал... две ночи.

– Извини, пожалуйста, – повторила Робин, – но сейчас без двадцати десять, Уильям Бейкер ждет и уже проявляет...

– Зараза, – пробормотал Страйк. – Будильник, наверное, не завел... дай мне пять минут...

– Это еще не все, – сказала Робин. – Пришла какая-то женщина. Без предварительной договоренности. Я сказала, что у тебя весь день расписан по минутам, но она не уходит.

Страйк зевнул и протер глаза.

– Пять минут. Предложи им чаю, что ли.

Через шесть минут Страйк, небритый, но в свежей рубашке, благоухающий дезодорантом и зубной пастой, вошел в приемную, где Робин сидела за компьютером.

– Лучше поздно, чем никогда, – выговорил Уильям Бейкер с натянутой улыбкой. – Хорошо еще, что у вас работает такая милашка, а иначе я бы заскучал и ушел.

Страйк заметил, что Робин вспыхнула от досады и отвернулась, якобы разбирая почту. Слово «милашка» в устах Бейкера прозвучало особенно гадко. Директор фирмы – костюм в тонкую полоску сидел на нем безупречно – поручил Страйку собрать досье на двух членов правления.

– Доброе утро, Уильям, – сказал Страйк.

– А извиниться? – процедил Бейкер, уставившись в потолок.

– Здравствуйте, с кем имею честь? – Пропустив его упрек мимо ушей, Страйк обратился к примостившейся на диване худенькой женщине средних лет, не снимавшей затрапезного коричневого пальто.

– Леонора Куайн, – представилась она; тренированный слух Страйка уловил акцент западных графств.

– У меня сегодня утром масса дел, Страйк, – не выдержал Бейкер и без приглашения направился в кабинет.

Когда Страйк не бросился следом, светские манеры клиента дали трещину.

– Думаю, в армии вы не позволяли себе таких беспардонных опозданий, мистер Страйк. Извольте пройти сюда.

Страйк будто не расслышал.

– Что вас ко мне привело, миссис Куайн? – спросил он женщину в потертом пальто, сидевшую на диване.

– Понимаете, это насчет мужа моего...

– Мистер Страйк, у меня через час важная встреча, – повысил голос Уильям Бейкер.

– ...ваша помощница говорит, у вас время расписано, но я могу и обождать.

– Страйк! – рявкнул Уильям Бейкер, как будто дал собаке команду «к ноге».

– Робин, – прохрипел обессиленный Страйк, решив положить этому конец, – выпиши мистеру Бейкеру счет и отдай ему досье; в нем самые последние сведения.

– Что?! – вскричал Уильям Бейкер, вновь появляясь в приемной.

– Он вам отказывает, – с удовлетворением пояснила Леонора Куайн.

– Но вы не закончили работу, – обратился Бейкер к Страйку. – Вы же сами говорили, что будут еще...

– Работу закончит для вас кто-нибудь другой. Кто не брезгует мараться со всякими слизняками.

Атмосфера в приемной накалилась до предела. Робин с каменным лицом сняла со стеллажа заказанное Бейкером досье и передала его Страйку.

– Да как вы...

– С этой папкой можно смело идти в суд, – сказал Страйк, – протягивая материалы директору. – Она стоит своих денег.

– Но вы не закончили...

– С вами он закончил, – вклинилась Леонора Куайн.

– Закрой рот, старая ду...

Прервавшись на полуслове, Уильям Бейкер попятился оттого, что Страйк сделал полшага вперед. Никто не произнес ни слова. Всем вдруг показалось, что отставной офицер почему-то занял собой вдвое больше места, чем прежде.

– Прошу вас в кабинет, присаживайтесь, миссис Куайн, – спокойно пригласил Страйк.

Женщина послушалась.

– Неужели вы думаете, что она сможет вам заплатить? – ухмыльнулся Уильям Бейкер, взявшись за дверную ручку.

– Расценки у меня гибкие, – сказал Страйк, – был бы человек приличный. – Он последовал за Леонорой Куайн в кабинет и захлопнул дверь.

...Наедине с лавиной этих бед...

Томас Деккер.

Благородный испанский воин

– Вот дубина-то, а? – заметила Леонора Куайн, сидя в кресле лицом к Страйку.

– Да уж, – согласился он, тяжело опускаясь на свое обычное место. – Что есть, то есть.

Невзирая на свежую, почти без морщин, бело-розовую кожу лица и чистые белки голубых глаз, посетительница выглядела на пятьдесят с небольшим. Тонкие жидковатые волосы были прихвачены двумя пластмассовыми гребнями; глаза щурились за стеклами больших старомодных очков в пластмассовой оправе. Пальто с ватными плечами и крупными пластмассовыми пуговицами, хотя и не засаленное, явно было приобретено еще в восьмидесятые годы.

– Значит, вы пришли по поводу мужа, миссис Куайн?

– Ну да, – подтвердила Леонора. – Пропал он.

– Как давно он пропал? – Страйк машинально потянулся за блокнотом.

– Уж десять дней прошло, – ответила Леонора.

– Вы в полицию заявили?

– Да что с нее толку, с полиции, – раздраженно бросила посетительница, как будто устала объяснять это знакомым. – Было дело, обращалась, так меня только обругали, потому как он тогда кое с кем загулял. За Оуэном такое водится. Он у меня писатель, – добавила она, как будто этим все и объяснялось.

– Ему и раньше случалось пропадать?

– У него эмоции – через край, – хмуро сказала Леонора Куайн. – В любой момент может куда-нибудь умчаться, но тут десять дней прошло, он сейчас в расстроенных чувствах, а мне нужно его срочно домой вернуть. Во-первых, Орландо ждет, во-вторых, у меня дел по горло, а в-третьих...

– Орландо? – переспросил Страйк: его усталые мозги подсказывали только курорт во Флориде. Лететь в Америку ему было совсем не с руки, да к тому же Леонора Куайн, в своем поношенном пальтишке, вряд ли смогла бы оплатить ему перелет.

– Дочка наша, Орландо, – пояснила Леонора. – Она присмотра требует. Пока я тут с вами беседую, с ней соседка сидит.

После короткого стука дверь приоткрылась; в кабинет просунулась златовласая голова Робин.

– Кофе, мистер Страйк? А для вас, миссис Куайн?

Получив заказы, Робин исчезла.

– Вам это пара пустяков, – сказала Леонора. – Сдается мне, я знаю, где его искать, только адреса найти не могу, а на звонки никто не отвечает. Уж десять дней как, – повторила она, – а нам он дома нужен.

Страйку виделась непозволительная роскошь в том, что эта женщина, в ее-то обстоятельствах, решила нанять частного сыщика, тем более что весь облик посетительницы дышал бедностью.

– Если речь идет лишь о том, чтобы дозвониться по известному вам номеру, – мягко заметил он, – нельзя ли попросить вашу подругу или...

– Эдну, – ответила она, и Страйк непомерно растрогался (усталость подчас делала его излишне чувствительным) от ее молчаливого признания, что подруга у нее всего одна. – Оуэн им запретил говорить, где находится. Мне для этого дела, – попросту заключила она, – мужчина требуется. Чтоб развязал им языки.

– Это ваш муж – Оуэн?

– Он самый, – ответила женщина. – Оуэн Куайн. «Прегрешение Хобарта» – это он написал.

Ни имя писателя, ни заглавие его произведения не говорили Страйку ровным счетом ничего.

– То есть вам известно, где он находится?

– Конечно. Ходили мы с ним на банкет, там издатели были и всякая такая публика... он сперва не хотел меня брать, а я ему: «Зря, что ли, я няню вызвала? Мне тоже пойти охота»... так вот, я сама слыхала, как Кристиан Фишер нашептывал Оуэну про то место – писательский дом отдыха. Потом спрашиваю у мужа: «Что это за местечко он тебе расписывал?» – а Оуэн мне: «Так я и сказал, жди! На то он и дом отдыха – от жены, от детей».

Она почти приглашала Страйка потешиться с ней вместе над ее мужем, подобно тому как матери порой изображают, будто гордятся дерзостью своих отпрысков.

– Кто такой Кристиан Фишер? – спросил Страйк, заставляя себя сосредоточиться.

– Издатель. Молодой парень, но так поднялся, куда там.

– Вы звонили Фишеру, чтобы узнать адрес этого дома отдыха?

– А как же, целую неделю названиваю и слышу одно: ваше сообщение записано, вам перезвонят, – а телефон молчит. Я думаю, это Оуэн запретил им говорить, где схоронился. Но вы-то из Фишера вытянете адресок. Я о вас много хорошего слыхала, – добавила она. – Это ведь вы раскрутили убийство Лулы Лэндри, когда полиция оплошала.

Каких-то восемь месяцев назад у Страйка был один-единственный клиент, бизнес находился на грани краха, виды на будущее не обнадеживали. Но на процессе с участием представителей Королевского прокурорского надзора он сумел доказать, что юная знаменитость не покончила с собой, а была сброшена с балкона четвертого этажа. Известность пришла мгновенно: бизнес тут же пошел в гору, а Страйк сделался самым знаменитым частным сыщиком во всей столице. Джонни Рокби теперь оказался всего лишь примечанием к этой истории; Страйк создал себе имя, которое, впрочем, многие умудрялись исковеркать...

– Я вас перебил, – сказал он, изо всех сил стараясь не потерять мысль.

– Разве?

– Конечно, – подтвердил Страйк, с прищуром глядя на закорючки в блокноте. – Вы сказали: «Во-первых, Орландо ждет, во-вторых, у меня дел по горло, а в-третьих...»

– Ах да, – вспомнила женщина, – после его отъезда обнаружилась какая-то дикость.

– Какая именно дикость?

– Дерьмо, – буднично сообщила Леонора Куайн, – в щели для почты.

– Кто-то протолкнул в дверную прорезь экскременты? – не понял Страйк.

– Вот именно.

– После того, как пропал ваш муж?

– Ага. Дерьмо собачье, – уточнила Леонора, и Страйку на миг почудилось, будто она так припечатала собственного мужа. – Причем не однажды, а раза три-четыре, по ночам. Вот мне радости-то было с утра пораньше. Да еще бабенка незнакомая в дверь стучалась.

Она умолкла, ожидая дальнейших расспросов. Похоже, ей было приятно, что из нее вытягивают информацию. Страйк давно подметил, что люди одинокие бывают только рады завладеть чьим-нибудь безраздельным вниманием и всячески стараются продлить это редкое удовольствие.

– Когда же к вам в дверь стучалась незнакомая женщина?

– На той неделе. Пришла – и Оуэна спрашивает; я ей: мол, нету его, а она такая: «Передайте ему, что Анджела умерла» – и увялась.

– Эта женщина точно была вам не знакома?

– Никогда в жизни ее не видала.

– А особа по имени Анджела вам знакома?

– Нет. Но вокруг него, бывает, поклонницы вьются. – Леонору вдруг понесло. – Одна, к примеру, повадилась ему в письмах фотки свои присылать, на которых одета точь-в-точь как его героиня. Те, кто ему письма пишут, начитались его книжек и возомнили, будто он их понимает. Вот дурехи-то, а? Это же все выдумки.

– Поклонницы, как правило, знают домашний адрес вашего мужа?

– Нет, откуда? – удивилась Леонора. – Может, это студентка была или еще кто. Он изредка лекциями подрабатывает.

В кабинет вошла Робин с подносом. Поставив кофе перед Страйком и чай – перед Леонорой Куайн, она тут же удалилась и плотно затворила за собой дверь.

– Больше никаких странностей не происходило? – спросил Страйк. – Просунутые в щель экскременты, визит этой женщины?

– Еще за мной, кажись, следили. Дылда какая-то, чернявая, сутулая, – продолжила Леонора.

– Но это была не та же самая женщина, которая...

– Да нет, которая в дверь ломилась – та кубышка. Волосы длинные, рыжие. А эта – чернявая и как бы горбится.

– Вы уверены, что она за вами следила?

– Вроде да. Я ее раза два-три засекала. Она не местная, у нас в Лэдброк-Гроув таких нету, сама-то я тридцать лет там живу.

– Ясно, – протянул Страйк. – Вы, кажется, упомянули, что ваш муж был в расстроенных чувствах? Что же его огорчило?

– С агентом повздорил.

– На какой предмет, не знаете?

– На предмет книжки своей, самой последней. Лиз – агент его – поначалу говорила, что это шедевр, а потом, буквально через день, приглашает его поужинать и заявляет, что печатать такое нельзя.

– Почему она так резко изменила свое мнение?

– Это вы у нее спросите. – Леонора впервые разозлилась. – Понятное дело, он потом на стенку лез. И немудрено. Два года над этой книгой корпел. Пришел он домой – и прямиком к себе в кабинет, схватил все в охапку...

– Что конкретно он схватил?

– Да книгу свою, то бишь рукопись, черновики, все, что было; бранился на чем свет

стоит, записнул бумаги в сумку – и поминай как звали. Больше я его не видела.

– У него есть мобильный телефон? Вы не пытались ему позвонить?

– Пыталась, да он трубку не берет. Он вообще не отвечает, когда вот так с места срывается. А однажды мобильник свой из окна машины выкинул, – сообщила Леонора, опять с нотками гордости за вспыльчивость мужа.

– Миссис Куайн, – начал Страйк, чья любовь к ближнему (что бы он ни говорил Уильяму Бейкеру) имела свои границы, – буду с вами откровенен: мои услуги стоят недешево.

– Понятное дело, – невозмутимо сказала Леонора. – Лиз вам заплатит.

– Лиз?

– Лиз... Элизабет Тассел. Агент Оуэна. Это по ее милости он сбежал. Пусть из своих комиссионных возьмет. Мой муж для нее – золотое дно. Она всяко захочет его вернуть, когда поймет, что натворила.

Страйк не разделял такой уверенности. Он бросил в чашку три куска сахара и залпом выпил кофе, пытаясь прикинуть, как подступиться к этому делу. Леонора Куайн вызывала у него безотчетную жалость: она, похоже, привыкла терпеть истерики мужа, смирилась с тем, что у нее молчит телефон, и полагала, что за любую помощь нужно платить. Если отвлечься от некоторой эксцентричности ее манер, в ней сквозила воинствующая честность. И все же, с тех пор как дела Страйка пошли в гору, он беспощадно отсекал невыгодные контракты. Те немногие просители, которые поверяли ему душещипательные истории, рассчитывая, что собственный тяжкий опыт Страйка (описанный и раздутый газетами) заставит его поработать на них бесплатно, уходили ни с чем. Но Леонора Куайн (она уже расправилась со своим чаем не менее лихо, чем Страйк – с кофе) встала с таким видом, будто все условия и расценки уже полностью согласованы.

– Пойду я, – сказала она. – Не хочу Орландо надолго оставлять. Девочка и так без папы тоскует. Я ей пообещала, что найму человека, который его отыщет.

За последние месяцы Страйк не раз помогал состоятельным молодым женщинам собирать компромат на банкиров-мужей, утративших былую привлекательность после финансового кризиса в Сити. Теперь его грела мысль о том, чтобы сделать для разнообразия нечто противоположное: вернуть жене мужа.

– Ну хорошо, – сказал он и, зевнув, придвинул к ней блокнот. – Мне понадобятся ваши контактные данные, миссис Куайн. И фото вашего мужа тоже не помешает.

Округлым, детским почерком Леонора внесла в блокнот свой адрес и номер телефона, но просьба о фотографии, по всей видимости, ее удивила.

– А фотка вам для чего? Он же в этом писательском доме. Попытайте Кристиана Фишера – пусть расскажет, как туда добраться.

Не успел Страйк, измотанный усталостью и болью, выбраться из-за письменного стола, как посетительница уже выскользнула в приемную. Он услышал, как она скупно бросила Робин: «Спасибо за чай», потом стеклянная дверь, ведущая на площадку, резко распахнулась и тут же захлопнулась с легкой вибрацией; новая клиентка исчезла.

Нет, главное в жизни – иметь умного друга...

Уильям Конгрив.

Двойная игра^Ш

Страйк опустился на диван в приемной. Это был почти новый предмет обстановки, стоивший немалых денег: он пришел на смену старому, разбитому, приобретенному в свое время из вторых рук. Диван, обтянутый искусственной кожей, которая подкупила Страйка в мебельном магазине, издавал неприличные звуки, если сидящий делал резкое движение. Помощница Страйка, высокая, статная, цветущая, с лучистыми серо-голубыми глазами, – пристально взгляделась в своего босса поверх кофейной чашки.

– У тебя жуткий вид.

– Всю ночь вытягивал из одной истерички подробности сексуальных отклонений и финансовых махинаций пэра Англии, – широко зевая, объяснил Страйк.

– Лорда Паркера? – ахнула Робин.

– Его самого, – подтвердил Страйк.

– Неужели он...

– Крутил шашни с тремя женщинами одновременно и переводил миллионы в офшорные зоны, – сказал Страйк. – Можешь в воскресенье почитать «Ньюс оф зе уорлд», если тебя не стошнит.

– Но как ты это раскопал?

– Через знакомых своих знакомых, у которых тоже есть знакомые, – заученно произнес Страйк.

От очередного зевка у него едва не разорвался рот.

– Тебе нужно выспаться, – сказала Робин.

– Это точно, – подтвердил Страйк, не двигаясь с места.

– Ганфри придет в четырнадцать часов, а до этого никого больше не будет.

– Ганфри, – вздохнул Страйк и потер глаза. – Почему у меня в клиентах сплошные подлюги?

– Миссис Куайн не производит впечатления подлюги.

Сквозь толстые пальцы Страйк бросил на нее осоловелый взгляд:

– С чего ты взяла, что я буду на нее работать?

– Кто бы сомневался? – Робин не удержалась от лукавой улыбки. – Она в твоём вкусе.

– Эта застарелая отрыжка восьмидесятых?

– В качестве клиентки – она в твоём вкусе. Кроме того, тебе хотелось поставить на место Бейкера.

– И ведь получилось, правда?

Зазвонил телефон. Все еще посмеиваясь, Робин сняла трубку.

– Бюро Корморана Страйка, – сказала она. – А, это ты, привет.

Звонил ее жених, Мэтью. Робин покосилась на босса. Страйк сидел с закрытыми глазами, запрокинув голову и сложив руки на широкой груди.

– Послушай, – сказал ей Мэтью; когда он звонил с работы, его голос звучал сухо, – мне придется перенести встречу с пятницы на четверг.

– Ой, Мэтт... – Робин пыталась не выдавать раздражения и обиды. Назначенная встреча срывалась уже в пятый раз. Робин, единственная из троих запланированных участников, ни разу не потребовала изменения времени, даты или места; каждый раз она подстраивалась под других. – Но почему?

Вдруг с дивана донесся мощный храп. Страйк заснул, как сидел, упираясь мощным затылком в стену и не расцепляя рук.

– У нас девятнадцатого корпоратив, – сказал Мэтью. – Если я не приду, меня не поймут. Там все должны засветиться.

Робин едва сдержалась. Ее жених трудился в крупной финансовой компании, но вел себя так, будто на нем лежали светские обязанности посольского работника.

Истинная причина виделась ей вполне прозрачной. Бывали случаи, когда Робин вынужденно отменяла назначенные у них с Мэтью дела по просьбе Страйка. За те восемь месяцев, что она работала в сыскном агентстве, ее босс и жених ни разу не видели друг друга – даже в тот злополучный вечер, когда Мэтью заехал за ней в травматологическое отделение, куда она привезла Страйка, плотно обмотав его руку своим пальто, чтобы унять хлеставшую из раны кровь: его полоснул ножом загнанный в угол преступник. Когда Робин, дрожащая, перепачканная кровью, вышла из приемной операционного блока, Мэтью наотрез отказался зайти поздороваться с раненым сыщиком. Эта история привела его в ярость, хотя Робин всеми силами доказывала, что сама никогда не подвергается ни малейшей опасности.

Мэтью был против ее перехода на постоянную работу в сыскное агентство, поскольку Страйк с самого начала вызывал у него подозрения: ни денег, ни жилья, ни достойной профессии. Те обрывки информации, которые приносила домой Робин (служба Страйка в Отделе специальных расследований, а до этого – под прикрытием в Королевской военной полиции; награда за воинскую доблесть; потеря правой голени; обширные познания в сотне областей, о которых Мэтью, привыкший выставлять себя перед ней специалистом по всем вопросам, и понятия не имел), не вызвали, вопреки ее наивным расчетам, никакого интереса, но лишь разделили двух мужчин непреодолимой стеной. А уж когда Страйк взмыл к вершинам успеха, превратившись из неудачника в знаменитость, неприязнь Мэтью перешла все границы. Робин не сразу поняла, что только подливала масла в огонь, когда указывала Мэтью на его непоследовательность: «Раньше тебе не нравилось, что он беден и не имеет крыши над головой, а теперь – что он знаменит и завален работой!»

Но даже Робин понимала, что главным грехом Страйка в глазах Мэтью стала покупка облегающего дизайнерского платья зеленого цвета, которое босс, выйдя из больницы, вручил ей в знак прощания и благодарности. Дома она с горделивой радостью извлекла из пакета этот подарок, но, увидев лицо Мэтью, так и не решилась надеть.

Робин собиралась исправить положение за счет предстоящего знакомства мужчин, но Страйк раз за разом отменял назначенные встречи, крайне раздражая этим Мэтью. А в последний раз просто взял и не пришел. Потом он объяснил, что ему пришлось путать следы, дабы уйти от слежки, организованной ревнивым мужем одной клиентки, и Робин, зная все подробности того жесткого бракоразводного процесса, приняла эти объяснения, но Мэтью только укрепился в мысли, что ее работодатель – позер и наглец. Ей стоило больших трудов уломать Мэтью на четвертую попытку. Время и место встречи выбрал он сам, но теперь, когда Робин заручилась согласием Страйка, Мэтью изменил дату, и у Робин

создалось ощущение, что в этом есть определенный умысел: показать Страйку, что у других тоже могут быть неотложные дела и что он, Мэтью, тоже способен – эта мысль настойчиво лезла в голову Робин – помыкать другими.

– Очень хорошо, – выдохнула она в трубку. – Я спрошу Корморана, удобно ли ему в четверг.

– По твоему тону не чувствуется, что это очень хорошо.

– Мэтт, не начинай. Я спрошу, ладно?

– Тогда до встречи.

Робин повесила трубку. Страйк, развалившись с открытым ртом на диване, не расцеплял рук и храпел как трактор. Она вздохнула, глядя на спящего босса. Страйк никогда не выражал неприязненных чувств к ее жениху, не отпускал в его адрес никаких комментариев. Это Мэтью не мог примириться с существованием Страйка и не упускал возможности подчеркнуть, что Робин зарабатывала бы неизмеримо больше, согласись она на другие варианты, которые ей предлагались, но нет, ей приспичило остаться в конторе у этого беспутного частного сыщика, погрязшего в долгах и даже неспособного предложить ей достойную плату за ее труд. Атмосфера у них в доме стала бы намного спокойней, если бы Мэтью разделял ее дружеское и даже восхищенное отношение к Корморану Страйку. Робин не теряла оптимизма: она дорожила обоими, почему же они отворачивались друг от друга?

Захлебнувшись храпом, Страйк вдруг очнулся. Открыв глаза, он прищурился и взглянул на Робин.

– Я храпел, – проговорил он, вытирая рот.

– Совсем чуть-чуть, – солгала Робин. – Послушай, Корморан, ты не против, если мы перенесем встречу с пятницы на четверг?

– Встречу?

– С Мэтью и со мной, – подсказала она. – Ты не забыл? В «Кингз армз», на Раупелл-стрит. Я же оставила тебе памятку, – добавила она со слегка нарочитым оживлением.

– Точно, – сказал он. – Ага. В пятницу.

– Нет, Мэтт хочет... он в пятницу не может. Как насчет четверга?

– Да, отлично, – вяло подтвердил он. – Пойду я к себе, Робин, попробую немного поспать.

– Конечно. Я сделаю пометку насчет четверга.

– А что у нас в четверг?

– Встреча... ладно, не важно. Иди поспи.

За ним закрылась стеклянная дверь, но вскоре распахнулась вновь; Робин, с тоской смотревшая на экран монитора, вздрогнула от неожиданности.

– Робин, сделай одолжение, позвони субъекту по имени Кристиан Фишер, – попросил Страйк. – Объясни, кто я такой, скажи, что я разыскиваю Оуэна Куайна и мне нужен адрес писательского дома отдыха, о котором он рассказал Куайну.

– Кристиан Фишер... Где он работает?

– Черт, – пробормотал Страйк. – Забыл спросить. Совсем нюх потерял. Он издатель, что ли... модный издатель.

– Без проблем, найду. Иди спать.

Стеклянная дверь хлопнулась вторично, и Робин зашла в «Гугл». За тридцать секунд она выяснила, что Кристиан Фишер – основатель небольшого издательства «Кроссфайр», которое находится в Эксмут-Маркете. Набирая телефонный номер, она вспомнила о

приглашении на свадьбу, которое уже неделю лежало у нее в сумочке. Робин не сообщила Страйку дату их с Мэтью бракосочетания и не поставила в известность Мэтью, что собирается пригласить своего босса. Вот если встреча в четверг пройдет гладко...

– «Кроссфайр», – ответил пронзительный голос; Робин сосредоточилась.

*И ничего мучительнее нет,
Чем собственные злые мысли.*

Джон Уэбстер.

Белый дьявол^[2]

Тем же вечером, в двадцать минут десятого, Страйк, раздевшись до трусов и футболки, валялся на кровати поверх одеяла, доедал купленное в магазине готовое карри и читал спортивные страницы газеты; по телевизору шел выпуск новостей. Металлический стержень, заменивший ему правую голень, отсвечивал серебром под дешевой настольной лампой, водруженной на коробку рядом с кроватью. В среду вечером Англия играла товарищеский матч с французами на стадионе «Уэмбли», но Страйка больше занимал исход назначенного на субботу матча Премьер-лиги «Арсенал» – «Тотнем Хотспур». Он с детства болел за «Арсенал», в подражание дяде Теду. Почему дядя Тед, уроженец и житель Корнуолла, болел за «канониров», Страйк никогда не спрашивал.

В крошечное оконце заглядывало вечернее небо, сквозь его мглистый свет силились пробиться звезды. Краткий сон не принес заметного облегчения, но Страйк еще не был готов отправляться на боковую после сытного бирьяни из баранины и пинты пива. Под рукой у него лежала памятка, которую вручила ему Робин в конце рабочего дня. В ней значилось две встречи. Первая запись гласила: «Кристиан Фишер, завтра в 9:00, издательство „Кроссфайр“, Эксмут-Маркет, ЕС1».

– С чего это он пожелал со мной встретиться? – удивился Страйк. – Мне от него нужен только адрес писательского дома, о котором он рассказывал Куайну.

– Непонятно, – ответила Робин. – Я спросила открытым текстом, но он почему-то загорелся идеей личной встречи. Назначил ее на девять утра и больше ничего слышать не хотел.

«К чему эти игры?» – раздраженно подумал Страйк.

В то утро он от усталости поддался скверному настроению и выставил за дверь состоятельного клиента, который вполне мог бы приманить к нему новых выгодных заказчиков. А затем повелся на рассказы этой Леоноры Куайн и принял весьма сомнительные условия. Сейчас, когда ее не было рядом, он даже затруднялся вспомнить, как именно она вызвала у него жалость, смешанную с любопытством, и передоверила ему свои проблемы. В спартанской, холодной мансарде его согласие заняться поисками обиженного супруга Леоноры уже казалось безответственностью и донкихотством. Разве не для того он положил все силы на выплату долгов, чтобы обеспечить себе хоть немного свободного времени: субботним вечером сходить на футбол, воскресным утром поваляться в постели? Месяц за месяцем он вкалывал день и ночь; клиентов привлекала к нему не столько первоначальная шумиха, сколько негромкая молва. Ну что ему стоило потерпеть Уильяма Бейкера еще три недели? И с какой целью, спрашивал себя Страйк, досадливо изучая записку, этот Кристиан Фишер настаивает на личной встрече? Уж не для того ли, чтобы

поглазеть на сыщика, раскрывшего дело Лулы Лэндри, или (еще того хуже) на сына Джонни Рокби? У Страйка не было инструмента, чтобы измерить степень собственной известности.

По его мнению, неожиданный всплеск славы давно пошел на убыль. Поначалу журналисты буквально рвали его на части, но теперь отвязались, и он, называя свое имя по какому-нибудь житейскому поводу, все реже слышал в ответ упоминание Лулы Лэндри. Посторонние, как было на протяжении всей его жизни, опять называли его Камерон Стрик или как-то вроде этого. Впрочем, нельзя было исключать, что издатель располагает какими-нибудь сведениями об исчезнувшем Оуэне Куайне и жаждет поделиться ими со Страйком; но почему же он десять дней уклонялся от разговоров с женой Куайна? Ответа на этот вопрос у Страйка не было.

Второе напоминание, которое записала для него Робин, гласило: «Четверг, 18 ноября, 18:30, „Кингз армз“, Раупелл-стрит, дом 25». Страйк догадывался, зачем она с преувеличенной четкостью вывела дату: чтобы на этот раз – с третьей или четвертой попытки – он все же познакомился с ее женихом. Страйк был благодарен судьбе за то, что на свете существует Мэтью (хотя сам безвестный финансовый работник вряд ли поверил бы такому заверению), а у Робин на среднем пальце сверкает колечко с сапфиром и бриллиантом. Из ее рассказов Страйк сделал вывод, что Мэтью – законченный мудак (Робин даже не подозревала, с какой точностью память Страйка фиксирует все ее случайные высказывания о женихе), но зато он служил надежной преградой между Страйком и этой девушкой, которая в противном случае могла бы нарушить его душевное равновесие. Страйк испытывал невольную теплоту к своей подчиненной, которая не бросила его в самую тяжелую пору и помогла ему переломить судьбу; а помимо всего прочего, у него было нормальное зрение, не позволявшее забыть, что рядом находится симпатичная девушка. Ее помолвка была сродни гардине, которая заслоняет от робкого, но постоянного сквозняка, способного – если ему не поставить заслон – причинить серьезные неудобства. Страйк считал, что в настоящее время должен перевести дух после долгих, изнурительных отношений, которые закончились (как, впрочем, и начались) вследствие обмана. Не собираясь отказываться от удобного и необременительного холостяцкого быта, он успешно отражал попытки своей сестры Люси свести его с разными женщинами, которые виделись ему неудачницами с какого-то сайта знакомств.

Конечно, нельзя было исключать, что Робин в один прекрасный день выйдет за Мэтью и тот, пользуясь своим новым статусом, убедит молодую жену бросить ненавистную ему работу (Страйк верно истолковал уклончивость и недомолвки секретарши). Вместе с тем Страйк не сомневался, что Робин поставит его в известность, как только будет назначена дата бракосочетания, а потому эта опасная перспектива до поры до времени казалась ему весьма далекой.

Широко зевнув, он решил все же посмотреть новости, сложил газету и бросил ее на стул. Спутниковая тарелка была единственной роскошью, которую позволил себе Страйк, перебравшись в тесную мансарду. Небольшой портативный телевизор, больше не зависевший от слабой и ненадежной комнатной антенны, стоял на скайбоксе и показывал четкую, нисколько не зернистую картинку. С экрана вещал министр юстиции Кеннет Кларк – требовал сокращения бюджета юридической помощи населению на триста пятьдесят миллионов фунтов стерлингов. В полудреме Страйк смотрел на цветущего здоровяка с брюшком, объяснявшего членам парламента, что он намерен «отучить людей по любому поводу обращаться к адвокатам и вместе с тем приучить их находить более приемлемые

способы урегулирования конфликтов». Это означало, что малообеспеченным слоям населения не придется больше рассчитывать на юридическую поддержку. Но типичные клиенты Страйка и им подобные могли и впредь ни в чем себе не отказывать. Теперь он выполнял поручения недоверчивых, жестоко обманувшихся богачей – добывал информацию для их лощеных адвокатов, которые использовали ее в суде, чтобы повыгодней обстряпать щекотливые бракоразводные дела или скользкие финансовые споры. Тянувшиеся к Страйку нескончаемой чередой состоятельные клиенты рекомендовали его своим знакомым, угодившим в столь же неприятные истории; это говорило о признании его профессионализма. Работа у него была хоть и однообразная, зато прибыльная.

Досмотрев новости, он с трудом поднялся с кровати, убрал со стула остатки ужина и похромал в крошечную кухню, чтобы вымыть посуду: армейская привычка к порядку не позволяла ему распускаться даже в периоды крайнего безденежья, но, вообще говоря, ее основу составляла не только воинская дисциплина. Он с малых лет рос аккуратистом, подражая даже в этом дяде Теду, у которого во всем был порядок, от ящика с инструментами до лодочного сарая; в этом отношении мать Страйка, Леда, была полной противоположностью своему брату: ее повсюду окружал хаос.

Через десять минут, сходяв напоследок отлить (в совмещенном санузле всегда было сыро), он почистил зубы над кухонной раковиной, чтобы не стукаться локтями о стенки, вернулся в кровать и отстегнул протез.

Выпуск новостей завершался прогнозом погоды: температура ниже нуля, туман. Страйк натер тальком культю ампутированной ноги; теперь она болела меньше, чем полгода назад. Если не считать сегодняшнего английского завтрака и купленного навынос карри, Страйк в последнее время перешел на домашнюю еду, за счет чего сумел немного сбросить вес и тем самым уменьшить давление на ногу.

Он ткнул пультом в сторону экрана; смеющаяся блондинка вместе со своим стиральным порошком растворилась в темноте. Страйк неуклюже залез под одеяло.

Если Оуэн Куайн и впрямь отсиживается в писательском пансионате, выдернуть его оттуда не составит труда. Судя по всему, эгоист, подлюга, затихарился в глуши со своей драгоценной книжонкой... Зыбкий образ гневного писаки, вылетевшего из дому с дорожной сумкой через плечо, развеялся так же быстро, как и возник. Страйк уже проваливался в желанный, глубокий и безмятежный сон. Слабое уханье бас-гитары, доносившееся из далекого подземелья, вскоре утонуло в раскатистом храпе.

Мистер Тэттл, с вами я, конечно, в безопасности.

Уильям Конгрив.

Любовь за любовь^[3]

На следующее утро, когда Страйк без десяти минут девять свернул на Эксмут-Маркет, к стенам домов еще липли клочья ледяного тумана. В этой части города ничто не напоминало о Лондоне: ни бесконечные кафе, ни пастельных тонов фасады, ни окутанный дымкой кирпичный храм византийского стиля, с позолотой и синевою, – церковь Святейшего Спасителя. Мглистый холод, антикварные лавочки, вынесенные на тротуар стулья и столики; добавить сюда запах моря, скорбные вопли чаек – и получится Корнуолл, где Страйк провел оседлые периоды своего детства.

Издательство «Кроссфайр» он нашел по скромной вывеске на неприметной двери возле пекарни. Ровно в девять Страйк нажал кнопку звонка и, когда ему открыли, оказался перед крутой лестницей, по которой стал тяжело карабкаться вверх, подтягиваясь на перилах.

На верхней площадке его подждал стройный щеголеватый очкарик лет тридцати, с вьющимися волосами до плеч. Он был в джинсах, жилете и рубашке с индийским рисунком и узкой оборочкой на манжетах.

– Приветствую, – сказал он. – Я – Кристиан Фишер. А вы – Камерон?

– Корморан, – машинально поправил Страйк, – но...

Он собирался добавить, что откликается и на Камерона (стандартный ответ, выработанный за долгие годы недоразумений), но Кристиан Фишер мгновенно сориентировался:

– Корморан – это корнуэльский великан.

– Совершенно верно, – с удивлением подтвердил Страйк.

– У нас в прошлом году вышли английские сказки и легенды для детей, – объяснил Фишер, распахивая двустворчатую белую дверь и пропуская Страйка в просторное, но захлащенное помещение с постерами на раздвижных перегородках и неряшливыми книжными стеллажами.

Страйка проводила любопытным взглядом молодая женщина с растрепанными темными волосами.

– Кофе? Чай? – предложил Фишер, когда они прошли к нему в кабинет – тесную каморку сбоку от основного зала, выходящую окном на милую сонную улочку, подернутую туманом. – Могу попросить Джейд – она сбегает.

Страйк отказался, честно признавшись, что уже выпил чашку кофе; к его удивлению, Фишер явно рассчитывал на более длительный разговор, чем того требовали обстоятельства.

– Тогда один латте, Джейд, – распорядился с порога своего кабинета Кристиан Фишер. – Прошу вас, садитесь, – обратился он к Страйку и начал рыться на книжных полках, висевших вдоль всех стен. – Жил он, если не ошибаюсь, в горе Святого Михаила – великан Корморан?

– Точно, – подтвердил Страйк. – А убил его, как принято считать, Джек. Взобравшись на бобовый стебель.

– Где-то тут стояла... – бормотал Фишер, обшаривая полки. – «Сказки и легенды Британских островов». У вас дети есть?

– Нет, – ответил Страйк.

– Ну и ладно, – сказал Фишер. – Бог с ней. – И, ухмыльнувшись, сел напротив Страйка. – Итак, могу я спросить: кто вас нанял? Можно высказать предположение?

– Сколько угодно. – Страйк никогда не препятствовал логическим построениям.

– Либо Дэниел Чард, либо Майкл Фэнкорт, – сказал Фишер. – В точку? – Его сосредоточенные глаза поблескивали, как бусины, за линзами очков.

Ничем себя не выдав, Страйк поразился. Майкл Фэнкорт – знаменитый писатель, недавний лауреат престижной литературной премии. Какой у него может быть интерес к исчезнувшему Куайну?

– К сожалению, не угадали, – сказал он вслух. – Меня наняла жена Куайна, Леонора.

Изумление Фишера выглядело почти комичным.

– Жена? – непонимающе переспросил он. – Эта мышь, похожая на Роуз Уэст¹¹? С чего это она побежала к частному сыщику?

– У нее пропал муж. Вот уже одиннадцать дней, как от него ни слуху ни духу.

– Куайн пропал? Но... но тогда...

Страйк понял, что Фишер не ожидал такого поворота событий: он предвкушал беседу совершенного иного рода.

– Но с какой стати она прислала вас ко мне?

– По ее мнению, вам известно, где сейчас находится Куайн.

– Откуда? – Похоже, Фишер был неподдельно изумлен. – Он мне не друг.

– Миссис Куайн говорит, что слышала, как вы на каком-то банкете рассказывали ее мужу о доме творчества...

– Вот оно что! – выдохнул Фишер. – Ну да, «Бигли-холл». Только Оуэна там нет!

От смеха он сделался похожим на Пака¹² в очочках: то же веселье, смешанное с лукавством.

– Оуэна Куайна ни за какие деньги туда не пустят! Прирожденный скандалист. А одна из совладелец этого дома просто на дух не переносит Оуэна. В свое время он написал разгромную рецензию на ее первый роман, и она этого не забыла.

– Но я тем не менее попрошу вас дать мне тамошний номер телефона, можно? – сказал Страйк.

– Вот он у меня, здесь. – Фишер вытащил из заднего кармана джинсов мобильный телефон. – Прямо сейчас и позвоню...

Он тут же набрал номер и, положив телефон на стол, специально для Страйка включил громкую связь. После продолжительных длинных гудков в трубке раздался запыхавшийся женский голос:

– «Бигли-холл».

– Приветик, это ты, Шеннон? Говорит Крис Фишер из «Кроссфайра».

– Ой, Крис, привет, как дела?

Дверь кабинета открылась: вошла все та же неухоженная девица, поставила перед Фишером кофе латте и удалилась.

– Я что хотел узнать, Шен, – заговорил Фишер, когда дверь со щелчком захлопнулась, – Оуэн Куайн, случайно, не у вас?

– Куайн?

В этом кратком переспросе, эхом отразившемся от книжных полок, прозвучала вся степень отвращения далекой Шеннон.

– Он самый; ты его не видела?

– Я его не видела уже год, если не больше. А что? Уж не собрался ли он к нам? Здесь его никто не ждет, это я тебе точно говорю.

– Не беспокойся, Шен, мне кажется, его жена что-то напутала. Я тебе потом перезвоню.

Не дослушав ее прощания, Фишер поспешил вернуться к разговору со Страйком:

– Вот видите? Я был прав. Ему в «Бигли-холл» путь заказан.

– А почему вы не сказали этого его жене, когда она вам звонила?

– Ах вот оно что – она ради этого названивала?! – Фишера будто осенило. – Я-то думал, она обрывает мне телефон по наущению Оуэна.

– С чего бы он стал просить жену до вас дозвониться?

– А то вы не знаете! – ухмыльнулся Фишер, но, не встретив ответной усмешки, коротко хохотнул и объяснил: – Из-за «Бомбикса Мори». Я бы сказал, это в характере Куайна – напустить на меня жену.

– «Бомбикс Мори», – повторил Страйк, стараясь не показать, что это для него – пустой звук.

– Вот именно. Я думал, Куайн донимает меня, чтобы проверить, не возьму ли я все-таки его книжку. Это его типичный метод: посадить на телефон жену. Но если кто и возьмется публиковать «Бомбикса Мори», то определенно не я. Издательство у нас маленькое. Судебные издержки нам не по карману.

Когда Страйк понял, что, делая умный вид, далеко не продвинется, он изменил тактику:

– «Бомбикс Мори» – это последний роман Куайна?

– Да-да. – Отпив купленного помощницей кофе, Фишер погрузился в раздумье. – Исчез, говорите? Я-то думал, он займет место в партере, чтобы наблюдать за потехой. Как я понимаю, с этой целью все и затевалось. Или он потерял кураж? Нет, Оуэн не таков.

– Давно вы его печатаете? – поинтересовался Страйк.

Фишер уставился на него с ошарашенным видом:

– Да я его вообще никогда не печатал!

– Мне думалось...

– Последние три книги... или четыре?.. он опубликовал в «Роупер Чард». Нет, дело было так: я столкнулся на какой-то тусовке с его агентом, Лиз Тассел, и она мне по секрету призналась... после пары бокалов... что не знает, сколько еще «Роупер Чард» будет терпеть Куайна, а я ответил, что готов рассмотреть его следующий роман. Куайн уже попал в категорию «чем хуже, тем лучше»; можно было бы попытаться так его новый опус и раскручивать. Если уж на то пошло, – продолжил Фишер, – было же у него «Прегрешение Хобарта». Достойная вещь. Я прикинул: у него, возможно, еще хватит пороху.

– И она прислала вам «Бомбикса Мори»? – наобум спросил Страйк и внутренне обругал себя, что накануне расспрашивал Леонору Куайн через пень-колоду.

Вот что происходит, когда ты, полумертвый от усталости, берешься за новое дело. Обычно Страйк перед каждой встречей старался на шаг опережать своих собеседников, но сейчас почувствовал себя странно безоружным.

– Прислала. С курьером на мотоцикле. В позапрошлую пятницу. – Его ухмылка стала еще более плутовской. – Самая большая оплошность бедняжки Лиз.

– Почему?

– Да потому, что она прочла рукопись кое-как и, скорее всего, не до конца. Через пару часов после доставки приходит мне на телефон паническое сообщение: «Крис, по ошибке отправила не ту рукопись. Отошли мне ее, пожалуйста, назад не читая. Когда буду в конторе, заберу». Никогда не получал таких реверансов от Лиз Тассел. Это же бой-баба. Настоящие зубры перед ней робеют.

– И вы тут же отослали рукопись назад?

– Еще чего! – ответил Фишер. – Всю субботу с утра до вечера читал.

– Ну и?.. – спросил Страйк.

– А вам не рассказали?

– Не рассказали?..

– В чем там фишка? На что он замахнулся?

– На что же он замахнулся?

Фишер заулыбался. Опустил чашку на стол.

– Меня предупредили крупнейшие юристы Лондона, – сказал он, – чтобы я этого не разглашал.

– И кто же нанял этих юристов? – спросил Страйк. Не получив ответа, он предположил: – «Чард» и Фэнкорт или еще кто-то?

– Только Чард. – Фишер угодил в расставленную ловушку. – Но я бы на месте Оуэна больше остерегался Фэнкорта. Только на меня не ссылайтесь, – спохватился он.

– Это который Чард? – Страйк все еще блуждал в потемках.

– Дэниел Чард. Глава издательства «Роупер Чард», – с тенью раздражения объяснил Фишер. – Ума не приложу, как Оуэну пришло в голову, что можно безнаказанно проехать по владельцу издательства, которое его печатает, но в этом весь Оуэн. Такой фантастической наглости, такого апломба я в жизни не встречал. Он возомнил, что может вывести Чарда под видом... – Прервавшись на полуслове, Фишер смущенно хохотнул. – Не буду рисковать своей шкурой. Скажу только, что Оуэн, к моему удивлению, повел себя так, будто рассчитывал выйти сухим из воды. Но когда тайное стало явным, у него, как видно, нервишки сдали, вот он и пустился в бега.

– Боясь, что его привлекут за клевету? – уточнил Страйк.

– С художественной литературой тут своего рода серая зона, понимаете? – произнес Фишер. – Если облакаешь правду в форму гротеска... Не подумайте, – спохватился он, – что я считаю его писанину правдой. В буквальном смысле слова – вряд ли это правда. Но все прототипы узнаваемы; он вывел в своей книге довольно много народу, причем так изобретательно... Чем-то напоминает раннее творчество Фэнкорта. Море крови и тайные символы... местами даже непонятно, на что он намекает, но все равно любопытно: что там в мешке, что там в очаге...

– И что же?..

– Не важно... это всего лишь беллетристика. Разве Леонора вас не просветила?

– Нет, – признался Страйк.

– Ни стыда ни совести, – сказал Кристиан Фишер. – Она, безусловно, в курсе. Мне казалось, Куайн из тех писателей, которые за обедом читают родным лекции на тему своих произведений.

– А почему вы, еще не зная об исчезновении Куайна, решили, что частного сыщика нанял либо Чард, либо Фэнкорт?

Фишер пожал плечами:

– Трудно сказать. Наверное, подумал, что один из них вознамерился разнюхать, какие у Куайна планы относительно этой книги, а затем либо попытаться его остановить, либо пригрозить судом возможному издателю. Либо раскопать какую-нибудь грязिशку на Оуэна – ответить ударом на удар.

– Именно поэтому вы с такой готовностью согласились на нашу встречу? – спросил Страйк. – Вы решили, что у меня есть нечто на Куайна?

– Нет, что вы! – рассмеялся Фишер. – Я исключительно из любопытства. Хотел узнать, что к чему.

Взглянув на часы, он перевернул лежавший перед ним макет книжной обложки и слегка отодвинулся назад вместе с креслом. Страйк понял намек.

– Спасибо, что уделите мне время, – сказал он, вставая. – Если у вас будут известия от Оуэна Куайна, дайте мне знать, хорошо?

Он протянул Фишеру свою визитную карточку. Обходя вокруг стола, чтобы проводить Страйка, Фишер хмуро вглядывался в напечатанный на ней текст:

– Корморан Страйк... Страйк... Знакомое имя, а?..

Зерно упало на благодатную почву. Фишер внезапно оживился, как будто у него перезарядились батарейки:

– Черт побери, дело Лулы Лэндри!

Страйк понял, что может спокойно вернуться на свое место, получить кофе латте и не менее часа пользоваться безраздельным вниманием Фишера. Но вместо этого он с вежливой непреклонностью распрощался и через пару минут опять вышел на холодный мглистый воздух.

Готов признать, что еще не читал подобного...

Бен Джонсон.

Каждый по-своему^[4]

Услышав по телефону, что в писательский дом ее муж не приезжал, Леонора Куайн заволновалась.

– Тогда где же он? – спросила она, скорее (как можно было подумать) у себя, чем у Страйка.

– Где он обычно отсиживается, когда сбегает из дому? – спросил Страйк.

– В гостиницах, – ответила она, – а однажды у женщины отсиделся, но больше он с нею не знается. Орландо, – рявкнула она в сторону, – не трожь, это мое! Кому сказано: это мое! Что? – выкрикнула она в ухо Страйку.

– Я ничего не говорил. Вы по-прежнему настаиваете, чтобы я занимался розыском вашего мужа?

– Да уж конечно, кто, как не вы, его отыщет? Я ж с Орландо сижу как пришитая. Вы Лиз Тассел поспрошайте. Было дело, она сама его нашла. В «Хилтоне», – неожиданно выпалила Леонора. – Он однажды в «Хилтоне» затаился.

– В котором именно?

– Почему я знаю? Вы у Лиз спросите. Он из-за нее сорвался, так пусть она и расстареется, чтоб его вернуть. Когда я звоню, она не отвечает. Орландо, не трожь!

– Кто-нибудь еще, с вашей точки зрения...

– Кабы знала, неужто я б их не спросила? – возмутилась Леонора. – Вы же сыщик, вот и ищите! Орландо!

– Миссис Куайн, нельзя исключать...

– Зовите меня Леонора.

– Леонора, нельзя исключать, что ваш муж попал в беду. Мы найдем его гораздо быстрее, – Страйк повысил голос, перекрикивая домашние шумы на другом конце, – если привлечем полицию.

– Да ну их! Прошлый раз там на меня напустились, когда я заявила, что его неделю дома не было, а они его у любовницы нашли. Если я опять хай подниму, меня съедят. Да и Оуэн не... Орландо, не трожь!

– Но полицейские могут разослать его фотографию и...

– Я одного хочу: чтоб его привезли домой по-тихому. Вернулся бы – и дело с концом, – капризно добавила она. – Сколько можно психовать?

– Вы читали последнюю книгу мужа? – спросил Страйк.

– Нет. Я всегда жду, чтоб книгу напечатали, и уж тогда читаю, в нормальном переплете, как положено.

– Он вам что-нибудь о ней рассказывал?

– Нет, он, пока сочиняет, ничего не рассказывает... Орландо, не трожь!

Повесила она трубку случайно или намеренно – Страйк так и не понял.

Ранний утренний туман рассеялся. В окна конторы бились дождевые капли. Вскоре должна была прийти клиентка: очередная подавшая на развод жена, которая жаждала узнать, где ее почти уже бывший муж прячет свои капиталы.

– Робин, – сказал Страйк, выходя в приемную, – сделай одолжение, распечатай из интернета фотографию Оуэна Куайна, если сумеешь найти. А потом созвонись с его агентом Лиз Тассел и узнай, готова ли она ответить на пару коротких вопросов.

Он уже собирался вернуться к себе в кабинет, но вспомнил кое-что еще:

– И пробей «бомбикс мори» – из какой это оперы?

– Как пишется?

– Бог его знает.

Почти разведенная женщина явилась к назначенному времени – в половине двенадцатого. Это была подозрительно моложавая красотка за сорок, источавшая трепетное очарование и мускусный аромат, от которого Робин начинала задыхаться. Страйк уединился с посетительницей в кабинете, и в течение двух часов оттуда доносились их оживленные голоса на фоне спокойных, безмятежных звуков: барабанной дроби дождя и стука клавиатуры под пальцами Робин. Она уже привыкла слышать из кабинета босса рыдания, стоны, даже вопли. Но хуже всего была внезапная тишина: к примеру, однажды клиент буквально свалился без чувств (и, как стало известно позже, перенес микроинфаркт), увидев снимок своей жены с любовником, сделанный Страйком при помощи длиннофокусного объектива.

Когда Страйк и его посетительница наконец-то вышли из кабинета и сердечно распрощались, Робин протянула своему боссу большой портрет Оуэна Куайна, который она нашла на сайте Батского литературного фестиваля.

– Боже правый! – вырвалось у Страйка.

Оуэн Куайн оказался грузным, бледным человеком лет шестидесяти, с лохматыми соломенно-желтыми волосами и бородой клинышком. Глаза у него были разных цветов, что придавало странную напряженность его взгляду. Для фотосессии он завернулся в накидку, похожую на тирольский плащ, и надел фетровую шляпу с пером.

– Такому вряд ли удастся долго сохранять инкогнито, – прокомментировал Страйк. – Распечатай, пожалуйста, еще несколько экземпляров, Робин. Нам, вероятно, придется показывать их в отелях. Его жена полагает, что он когда-то останавливался в «Хилтоне», но где именно – она не помнит. Начинай обзванивать все подряд – узнай, нет ли его среди проживающих. Думаю, он не станет регистрироваться под своим именем, но ты попробуй его описать... Что там насчет Элизабет Тассел?

– Неплохо, – ответила Робин. – Хочешь верь, хочешь нет, но я даже не успела набрать номер, как она сама позвонила.

– Элизабет Тассел? Сюда? С чего бы это?

– Кристиан Фишер рассказал ей о твоём посещении.

– Ну и?..

– Сегодня у нее дела, но завтра в одиннадцать она готова встретиться с тобой у себя в офисе.

– Неужели? – Страйк изобразил изумление. – Чем дальше, тем интересней. Ты не спросила, что ей известно о местонахождении Куайна?

– Спросила; она говорит, что ровным счетом ничего, и тем не менее настаивает на встрече. Очень властная особа. Этакая директриса. Кстати, «бомбикс мори», – добавила

она, – это по-латыни «шелкопряд».

– Шелкопряд?

– Да-да. И знаешь, что еще? Я всегда думала, что шелкопряды плетут свою нить примерно как пауки, но ты вообще в курсе, как на самом деле получают шелк?

– Понятия не имею.

– Кипячением, – сказала Робин. – Червей кипятят живьем, пока они не успели выбраться и при этом повредить кокон. А кокон – это и есть шелковая нить. Не очень-то приятно, согласен? Но с чего тебя вдруг заинтересовали шелкопряды?

– Пытаюсь понять, почему Оуэн Куайн озаглавил свой роман «Бомбикс Мори», – ответил Страйк, – но пока безуспешно.

Во второй половине дня он занимался нудной бумажной работой в связи с делом о наблюдении, надеясь, что погода разгуляется; ему нужно было выйти – у него дома не осталось ничего съестного. После ухода Робин Страйк по-прежнему сидел за работой, а ливень только сильнее стучал в окно. В конце концов Страйк все же снял с вешалки пальто, вышел на дождь и направился по темной, промозглой Черинг-Кросс-роуд в ближайший супермаркет. В последнее время он снова начал злоупотреблять готовыми блюдами; с бумажными пакетами в обеих руках он машинально свернул в букинистический магазин, который закрывался через пару минут. Стоявший за прилавком букинист не смог с уверенностью сказать, если ли у него «Прегрешение Хобарта» – первый и, как считалось, лучший роман Оуэна Куайна, но после невнятного бормотания и неубедительного изучения монитора предложил Страйку другую книгу того же автора: «Братья Бальзак». Усталый, промокший и голодный, Страйк заплатил два фунта за потрепанный томик в твердом переплете и принес его домой.

Убрав продукты и приготовив себе пасту, Страйк растянулся на кровати – за окном уже висела густая, холодная тьма – и открыл книгу исчезнувшего автора.

Готическая, нереальная история была изложена цветистым и вычурным слогом. Двое братьев, носивших имена Варикосель и Ваз, оказались замурованными в склепе, где медленно разлагался в углу труп их старшего брата. Между пьяными спорами о литературе, верности и творчестве французского писателя Бальзака они пытались в соавторстве создать жизнеописание гниющего брата. Варикосель без конца ощупывал свою ноющую мошонку (Страйк усмотрел в этом метафору творческого тупика); текст писал в основном Ваз.

Одолев страниц пятьдесят, Страйк пробормотал: «За такое и вправду надо яйца оторвать», отшвырнул книжку и начал мучительно погружаться в сон.

Его больше не посещало глубокое и блаженное забытие прошлой ночи. В окно мансарды барабанил дождь, мешая спать; тьма таила в себе смутное предчувствие катастрофы. Утром Страйк проснулся тяжело, будто с похмелья. Дождь точно так же молотил в окно; включив телевизор, Страйк узнал, что в Уэльсе произошло сильное наводнение: людей вызволяли из автомобилей, эвакуировали из домов, размещали в переполненных пунктах экстренной помощи.

Схватив мобильный, Страйк набрал номер, знакомый ему, как собственное отражение в зеркале, и всегда служивший символом безопасности и стабильности.

– Алло? – ответила его тетка.

– Это Корморан. Как у вас там дела, Джоан? Я новости посмотрел.

– Пока держимся, милый, а вот на побережье совсем худо, – сказала она. – У нас дождина хлещет, шторм приближается, но в Сент-Остелле еще хуже. Мы сами только что в

новостях видели. А у тебя как дела, Корм? Ты нас совсем забыл. Мы с Тедом как раз вчера вечером говорили, что от тебя ни слуху ни духу. На Рождество-то приедешь?

Держа в руке мобильный, он не мог ни одеться, ни пристегнуть протез. Джоан не умолкала с полчаса, обрушивая на Страйка лавину местных новостей и делая неожиданные, резкие заходы на личную территорию, которую он предпочитал держать за семью печатями. Наконец, завершив последнюю серию допросов насчет его интимной жизни, долгов и ампутированной ноги, тетушка утомилась. В офис он спустился позже обычного, издерганный и раздраженный, но в темном костюме и при галстуке. Робин оставалось только гадать, куда он отправится после встречи с Элизабет Тассел: уж не на свидание ли с обворожительной брюнеткой, затеявшей бракоразводный процесс?

– Новости слышал?

– Про наводнение в Корнуолле? – уточнил Страйк, включая электрический чайник: заваренный Робин утренний чай успел остыть, пока Джоан трещала как сорока.

– Про помолвку Уильяма и Кейт, – ответила Робин.

– Кого?

– Принца Уильяма, – объяснила Робин, – и Кейт Миддлтон.

– Ну-ну, – холодно сказал Страйк. – Рад за них.

До недавнего времени он и сам был в стане помолвленных. Как складывается новое обручение бывшей невесты, он не знал и предпочитал не задумываться над его финалом (естественно, не таким, как у их романа, когда она в кровь расцарапала Страйку лицо, признав свою измену, а таким, как бракосочетание, какого он не мог ей предложить, сродни королевскому, ожидавшему Уильяма и Кейт).

Только когда Страйк выпил полчашки чая, Робин решила нарушить угрюмое молчание.

– За минуту до твоего появления звонила Люси – просила напомнить, что на субботу назначен ужин в честь твоего дня рождения, и узнать, приедешь ты один или с кем-нибудь.

Настроение Страйка упало еще ниже. Он совершенно забыл про этот ужин в доме сестры.

– Я понял, – мрачно сказал он.

– У тебя в эту субботу день рождения? – спросила Робин.

– Нет, – ответил Страйк.

– А когда?

Он вздохнул. Ему не хотелось ни тортов, ни открыток, ни подарков, но Робин смотрела на него выжидающим взглядом.

– В четверг, – выдавил он.

– Двадцать третьего?

– Угу.

После короткой паузы ему пришло в голову, что в такой ситуации полагается задавать встречный вопрос.

– А у тебя когда? – По какой-то причине замешательство Робин действовало ему на нервы. – Черт, неужели сегодня?

Она рассмеялась:

– Нет, у меня уже прошел. Девятого октября. Между прочим, это действительно была суббота, – добавила она, улыбаясь при виде его смущения. – Я не сидела на рабочем месте в ожидании букетика.

В ответ Страйк усмехнулся. Решив сделать над собой усилие и сказать какую-нибудь любезность, чтобы искупить свою вину за пропущенный по невнимательности день ее рождения, он добавил:

– Хорошо, что у вас с Мэтью еще не назначена дата. По крайней мере, ваша свадьба не наложится на королевскую.

– Между прочим, – вспыхнула Робин, – дата у нас назначена.

– Серьезно?

– Вполне, – подтвердила Робин. – На восьмое... восьмое января. У меня есть для тебя приглашение, вот, сейчас. – Она торопливо порылась в сумке (Робин даже не спросила согласия Мэтью на то, чтобы позвать Страйка, но теперь пути назад не было). – Держи.

– Восьмое января? – переспросил Стайк, разглядывая серебристый конверт. – Да ведь это уже через... сколько?... меньше двух месяцев осталось.

– Точно, – подтвердила Робин.

Наступила непонятная краткая пауза. Страйк не сразу вспомнил, какие еще дела он поручил Робин, а сообразив, решил проверить исполнение и деловито постучал по ладони серебристым конвертом.

– Что слышно насчет «Хилтонов»?

– Сколько смогла, обзвонила. Под своим именем Куайн ни в одном из них не проживает и по описанию тоже нигде не опознан. Но ведь «Хилтонов» этих – пруд пруди, я проверяю по списку, один за другим. А что у тебя запланировано после встречи с Элизабет Тассел? – как бы невзначай спросила она.

– Выдать себя за покупателя квартиры в Мэйфере. Муж клиентки собрался обналичить и перевести в офшор кое-какой капитал, пока об этом не прознали женушкины юристы. Ладно, – Страйк засунул нераспечатанный конверт с приглашением глубоко в карман пальто, – я пошел. На поиски скверного писателя.

Стоило мне взять эту книгу, как старик исчез.

Джон Лили.

Эндимион, или Человек на Луне

Когда Страйк стоя ехал на метро одну остановку к Элизабет Тассел (во время коротких поездок он никогда не расслаблялся, а, наоборот, сосредоточивался, чтобы не нагружать протезированную ногу и удерживать равновесие), ему пришло в голову, что Робин ни разу не упрекнула его за то, что он взялся расследовать дело Куайна. Нет, разумеется, никто не давал ей права упрекать босса, но она отказалась от более денежного места, чтобы работать с ним в одной связке, и вполне могла ожидать, что он, расплатившись с долгами, хотя бы поднимет ей зарплату. Его секретарша вообще не имела привычки критиковать или хранить критическое молчание – единственная из встречавшихся Страйку женщин, которая не обнаруживала ни малейшего желания его перевоспитать или переломить. Как подсказывал его опыт, женщины обычно пытаются тебе внушить, что их любовь пропорциональна старанию на тебя повлиять.

Значит, через полтора месяца у нее свадьба. Через полтора месяца она станет миссис Мэтью... если Страйк и знал когда-то фамилию ее жениха, то сейчас при всем желании не смог бы вспомнить.

В ожидании лифта у выхода на станции «Гудж-стрит» его охватило внезапное безумное желание позвонить давешней темноволосой клиентке – та не скрывала, что будет только приветствовать такое развитие событий, – чтобы переспать с ней прямо сегодня, утопая в ее мягкой, душистой (так ему представлялось) постели в Найтсбридже. Но идея, не успев созреть, была отброшена. Это же сумасшествие – хуже, чем розыск пропавшего человека, не сулящий никаких гонораров...

А для чего, собственно, тратить время на поиски Куайна? – спросил себя Страйк, пряча лицо от колючего дождя. Для удовлетворения собственного любопытства, ответил он после минутного раздумья, а возможно, и для чего-то менее очевидного. Шагая по Стор-стрит, он шурился под дождем, старался не поскользнуться на мокром тротуаре и размышлял, долго ли еще сможет выносить алчность и мстительность, которыми буквально сочились его богатые клиенты. Давно не приходилось ему расследовать дело об исчезновении. По крайней мере, он получит профессиональное удовлетворение, когда вернет сбежавшего Куайна в лоно семьи.

Литературное агентство Элизабет Тассел находилось в преимущественно жилом квартале, выстроенном из темного кирпича; здесь, в тупике, отходившем от оживленной Гауэр-стрит, было на удивление тихо. Страйк нажал кнопку звонка рядом со скромной медной табличкой. Послышались легкие шаги, и ему открыл бледный юноша в рубашке апаш.

– Вы частный детектив? – спросил он с восхищением и трепетом.

Страйк последовал за ним вверх по ступеням, оставляя мокрые следы на вытертой ковровой дорожке. За дверью красного дерева оказалось просторное офисное помещение, которое, как понял Страйк, раньше представляло собой отдельный холл с гостиной. Элегантность старины здесь мало-помалу переходила в убожество. Окно запотело; в воздухе

висел застарелый табачный запах. Вдоль стен стояли набитые до отказа деревянные книжные шкафы; грязноватых обоев было почти не видно за вставленными в рамки шаржами и карикатурами на литературные темы. Лицом друг к другу, разделенные вытертым ковром, стояли два незанятых письменных стола.

– Разрешите ваше пальто, – сказал молодой человек, и тут из-под одного стола выскочила хрупкая перепуганная девушка. В одной руке она держала грязную губку.

– Не оттирается, Раф! – панически зашептала она юноше.

– Вот паразит! – брезгливо пробормотал Раф. – У Элизабет есть старый пес – его вырвало у Салли под столом, – доверительно объяснил он вполголоса, отведя Страйка в сторону и приняв у него промокшее пальто кромби, чтобы повесить на викторианскую стойку возле порога. – Я сообщу о вашем прибытии. А ты отскребай как следует, – посоветовал он своей коллеге и проскользнул в другую дверь красного дерева. – Лиз, пришел мистер Страйк.

Из-за двери тут же послышался громкий лай, а потом глубокий, дребезжащий кашель, будто раздирающий легкие битого жизнью шахтера.

– Подержи его! – приказал хриплый голос.

Дверь в офис распахнулась; за ней стояли Раф, вцепившийся в ошейник старого, но все еще злобного доберман-пинчера, и рослая, крепкого телосложения дама лет шестидесяти, с крупными, откровенно непривлекательными чертами лица. Подстриженные с геометрической аккуратностью серо-голубые волосы, строгий черный костюм и алая губная помада придавали ей определенный шик. От нее исходила та властность, которая сменяет сексуальную притягательность у добившихся успеха немолодых женщин.

– Его надо вывести, Раф, – велела хозяйка агентства, но при этом ее черные, как маслины, глаза впелись в Страйка; за окном по-прежнему лил дождь. – И прихвати побольше гигиенических пакетов: его сегодня немного слабит. Прошу вас, мистер Страйк.

Ее референт с брезгливым видом потащил к выходу крупного, по-бычьему упирающего пса; поравнявшись со Страйком, доберман ощерился.

– Кофе, Салли, – приказала Элизабет Тассел перепуганной девушке, которая успела спрятать губку.

Когда референтка сорвалась с места и скрылась за дверью позади своего стола, Страйк понадеялся, что перед приготовлением кофе она не забудет тщательно вымыть руки.

В душном кабинете литературного агента словно сгустился висевший в приемной застарелый дух табачного дыма и псины. Под столом лежала обтянутая твидом собачья корзина; стены были увешаны старыми фотографиями и репродукциями. На самом большом из многочисленных изображений Страйк узнал Пинклмена – довольно известного, преклонных лет (а может, уже покойного) писателя, автора иллюстрированных детских книжек. Элизабет Тассел молча кивнула на стул по другую сторону своего рабочего стола, но, прежде чем сесть, Страйк вынужден был убрать с него стопку бумаг и старых номеров журнала «Букселлер»; тем временем хозяйка офиса достала сигарету из лежащей на столе пачки, прикурила от ониксовой зажигалки, набрала полные легкие дыма и надолго зашлась дребезжащим, присвистывающим кашлем.

– Итак, – наконец проскрежетала она из кожаного офисного кресла, – Кристиан Фишер говорит, Оуэн в очередной раз отмочил свой знаменитый номер с исчезновением.

– Совершенно верно, – подтвердил Страйк. – Он исчез в тот вечер, когда вы с ним повздорили из-за его книги.

Ответ литературного агента утонул в кашле; из груди женщины вылетали жуткие, раздражающие горло хрипы. Страйк молча дожидался окончания приступа.

– Вам не позавидуешь, – сказал он, когда в конце концов наступила тишина, воспользовавшись которой его собеседница, как ни странно, тут же сделала новую затяжку.

– Гриппую, – объяснила она. – Ничего не помогает. Когда у вас была Леонора?

– Позавчера.

– Неужели ей по карману ваши услуги? – проскрежетала Элизабет Тассел. – Сомневаюсь, чтобы профессионал, распутавший дело Лулы Лэндри, согласился работать за бесценок.

– Миссис Куайн предположила, что мои услуги, по всей вероятности, оплатите вы, – сказал Страйк.

Бугристые щеки зарделись; слезящиеся от кашля черные глаза сощурились.

– В таком случае отправляйтесь прямиком к Леоноре и скажите... – ее грудь под элегантным черным жакетом опять начала вздыматься в преддверии сдерживаемого приступа, – что я не дам ни г...гроша на розыск этого мерзавца. Передайте ей... передайте... – Она вновь содрогнулась от неудержимого кашля.

Дверь открылась, и в кабинет вошла хрупкая референтка, с трудом удерживая массивный деревянный поднос, нагруженный чашками и кофейными принадлежностями. Поднявшись со стула, Страйк принял у нее поднос, но не нашел куда поставить. Девушка попыталась расчистить место на столе. От волнения она смахнула на пол стопку бумаг. Кашляющая начальница яростным жестом приказала ей убираться с глаз долой, и девушку как ветром сдуло.

– Ру...руки-крюки... – прохрипела Элизабет Тассел.

Не обращая внимания на разлетевшиеся по полу бумаги, Страйк опустил поднос на стол и вернулся на свое место. Владелица литературного агентства принадлежала к тому типу старых грубиянок, которые вольно или невольно нагоняют страх на любого впечатлительного человека, пробуждая детские воспоминания о суровой и всемогущей матери. Но запугать Страйка было не так-то просто. Во-первых, его родная мать, при всех своих недостатках, была совсем молодой и, несомненно, любящей; во-вторых, в сидевшей перед ним мегере он интуитивно почувствовал уязвимость. Это безостановочное курение, эти выцветшие фотографии, эта старая собачья корзина – все наводило на мысль о сентиментальности, о внутренней слабости, скрытой от молодых подчиненных. Страйк наполнил чашку и, когда Лиз Тассел откашлялась, протянул ей кофе.

– Спасибо, – буркнула она.

– Значит, вы отказали Куайну в своих услугах? – спросил Страйк. – И объявили ему об этом в тот вечер, когда встретились с ним за ужином, так?

– Не помню, – проскрипела она. – Атмосфера накалилась очень быстро. Оуэн вскочил посреди зала и начал прилюдно на меня орать, а потом бросился прочь, предоставив мне платить по счету. При желании вы можете найти множество свидетелей той сцены. Оуэн расстарался, чтобы устроить спектакль.

Она снова взялась за пачку сигарет и, спохватившись, предложила закурить Страйку. Когда они дружно затянулись, Элизабет Тассел спросила:

– Что вам наговорил Кристиан Фишер?

– Ничего существенного, – ответил Страйк.

– Хорошо, если так, а то вам обоим будет хуже, – бросила она.

Страйк молча курил и пил кофе, а Элизабет выжидала, явно надеясь услышать что-нибудь более внятное.

– Он упомянул о «Бомбиксе Мори»? – не выдержала она.

Страйк кивнул.

– И что сказал?

– Что Куайн вывел в этом романе многих известных личностей, даже не потрудившись их замаскировать.

Повисла напряженная пауза.

– Надеюсь, Чард засудит этого молокососа. Чтобы впредь не болтал лишнего.

– Вы не пытались связаться с Куайном после того, как он сбежал из... где вы с ним ужинали? – уточнил Страйк.

– В «Ривер-кафе», – прохрипела она. – Нет, не пыталась. Мне с ним больше не о чем разговаривать.

– И он тоже не давал о себе знать?

– Нет.

– Леонора утверждает, что вы превозносили книгу Куайна как его шедевр, а потом изменили свое мнение и отказались ею заниматься.

– Что? Ничего похожего... я не го...

На нее накатила пароксизм кашля, еще сильнее прежних. Она содрогалась и брызгала слюной; у Страйка возникло сильное искушение вырвать у нее сигарету. В конце концов приступ прошел. Залпом проглотив полчашки горячего кофе, Лиз, судя по всему, испытала некоторое облегчение и окрепшим голосом закончила:

– Ничего похожего я не говорила. «Шедевр» – это он Леоноре такое выдал?

– Да. А на самом деле что вы сказали?

– Я слегла с гриппом, – сипло начала она, будто не расслышала вопроса. – Неделю не выходила на работу. Оуэн позвонил в офис и объявил, что рукопись готова. Раф сообщил ему, что я больна, так Оуэн, недолго думая, отправил текст с курьером на мой домашний адрес. Я вынуждена была встать с постели, чтобы открыть дверь и расписаться в получении бандероли. В этом – весь Оуэн. У меня температура под сорок, я на ногах не стою. Но он же закончил книгу, а значит, умри, но читай немедленно. – Отпив еще кофе, она продолжила: – Я оставила рукопись на столе в прихожей и вернулась в постель. Оуэн принялся изводить меня звонками, буквально час за часом, чтобы услышать мое мнение. Так прошли среда, четверг... Я тридцать лет в агентском бизнесе – и впервые занемогла, – проскрежетала она. – А в конце недели я собиралась уезжать. И очень ждала той поездки. Отменять ее не собиралась, но и не хотела, чтобы Оуэн каждые три минуты донимал меня звонками. Поэтому... чтобы только от него отделаться... У меня ломило все тело... – Она затянулась сигаретой, прокашлялась, взяла себя в руки и закончила: – Роман оказался не хуже двух его последних опусов. Быть может, в чем-то даже лучше. У Куайна получилась интересная затравка. Образность тоже местами удалась. Этаким «Путь паломника»^[3] в готическом изводе.

– Вы узнали кого-нибудь в прочитанных главах?

– Персонажи, на мой взгляд, преимущественно символические, – ответила она с легким вызовом, – в том числе и агиографический автопортрет. Множество сексуальных извращений. – Элизабет в очередной раз откашлялась. – Обычная смесь, как мне показалось... но я... я не собираюсь скрывать, что читала по диагонали.

Страйк понял, что ей нелегко признавать собственные упущения.

– Я... в общем, я не дочитала примерно четверть объема, где описаны Майкл и Дэниел. Посмотрела концовку – совершенно нелепую, глуповатую... Если бы не болезнь, которая мешала мне сосредоточиться, я бы, естественно, сразу ему высказала, что он ищет неприятностей на свою голову. Дэниел – непростой человек, крайне обидчивый... – У нее опять дрогнул голос, но она вознамерилась закончить фразу и с присвистом продолжила: – А Майкл – склочник... такой склочник, каких... – Ее душил кашель.

– А почему мистер Куайн хотел непременно опубликовать это произведение, если за него можно угодить под суд? – дождавшись окончания приступа, поинтересовался Страйк.

– Для Оуэна закон не писан, – резко сказала Элизабет Тассел. – В своих глазах он – гений, баловень судьбы. Ему нравится оскорблять других. В этом он видит смелость, удачу.

– А что вы сделали после ознакомления с рукописью?

– Позвонила Оуэну. – На миг она закрыла глаза – как могло показаться, в бессильной злобе на саму себя. – И сказала: «Да, отлично», а потом приказала Рафу заехать за этой чертовщиной ко мне домой и сделать две ксерокопии: одну отправить в «Роупер Чард» – Джерри Уолдегрейву, редактору Оуэна, а вторую – п... пусть меня Бог простит – Кристиану Фишеру.

– Но почему же вы не отправили рукопись прямо в офис по электронной почте? – удивился Страйк. – Разве у вас не было файла – к примеру, на флешке?

Элизабет Тассел затушила сигарету в стеклянной пепельнице, полной окурков.

– Оуэн не желает отказываться от электрической пишущей машинки, на которой создал «Прегрешение Хобарта». Его техническая безграмотность просто уму непостижима. Не знаю, что здесь на первом месте: показуха или тупость. Может, он и пытался перейти на ноутбук, да не сумел. Это для него еще один способ досадить окружающим.

– А почему вы отослали рукопись сразу двум издателям? – спросил Страйк, уже зная ответ.

– Да потому, что Джерри Уолдегрейв... хотя он и сущий ангел, что большая редкость в издательском бизнесе, – начала она, потягивая кофе, – даже Джерри Уолдегрейв уже дошел до ручки от выкрутасов Оуэна. Последний роман Оуэна продавался у «Роупер Чард» с большим скрипом. Вот я и решила подстраховаться.

– В какой момент вы поняли, о чем на самом деле эта книга?

– В тот же день, ближе к вечеру, – проскрипела она. – Мне позвонил Раф. Он к тому времени отправил обе копии, а затем просмотрел оригинал. Звонит мне и спрашивает: «Лиз, а вы сами это прочли?» – (Страйк без труда представил, как этот бледный парнишка собирался с духом, как в страхе совещался со своей хрупкой напарницей, прежде чем решился сделать такой звонок.) – Мне пришлось сказать, что не до конца... и не слишком внимательно, – пробормотала она. – Тогда он зачитал мне вслух пару отрывков, которые я пропустила, и...

Взяв со стола ониксовую зажигалку, она рассеянно повертела ее в руках и подняла взгляд на Страйка:

– Понимаете, я задергалась. Стала звонить Кристиану Фишеру – там автоответчик. Пришлось оставить сообщение, что к нему поступил черновой вариант, что читать его не нужно, что я ошиблась и убедительно прошу вернуть мне рукопись, причем к... как можно скорее. Вслед за тем я позвонила Джерри, но тоже безрезультатно. Правда, он меня предупреждал, что они с женой по случаю годовщины свадьбы уедут на выходные. Я только

надеялась, что в поездке ему будет не до чтения, и оставила примерно такое же сообщение, как и Фишеру. И только после этого перезвонила Оуэну.

Она вновь закурила. Ее крупные ноздри подрагивали при каждой затяжке, морщины в уголках губ обозначились еще резче.

– Я и двух слов сказать не успела, но это уже не играло роли. Оуэн, как никто другой, умеет заткнуть рот собеседнику. Он был страшно доволен собой и потребовал, чтобы мы с ним встретились за ужином и отметили завершение книги. Пришлось мне вылезать из постели, приводить себя в порядок, тащиться в «Ривер-кафе» и ждать. Появился Оуэн. Даже без опоздания. Как правило, он опаздывает. А тут, ликующий, буквально вливается в зал. Искренне веря, что совершил нечто смелое и достойное восхищения. Не дав мне рта раскрыть, заводит разговор об экранизации...

Выдыхая дым из алого рта и сверкая черными глазами, она сделалась похожей на дракона.

– Стоило мне заикнуться, что его роман пышет злобой и непригоден для печати, как он вскочил, отшвырнул стул и разорался. Вылил на меня поток оскорблений личного и профессионального свойства, заявил, что мне не по уму представлять его интересы, а посему он опубликует свой роман самостоятельно – в интернете. И умчался, предоставив мне оплачивать счет. Собственно говоря, – фыркнула она, – в этом нет ничего удивительного...

Она злобно скривила рот и содрогнулась от самого сильного за все время приступа кашля. Страйк забеспокоился, как бы владелица литературного агентства не умерла от удушья. Он приподнялся со стула, но Элизабет Тассел жестом отклонила помощь. В конце концов, побагровевшая, со слезящимися глазами, она все же продолжила скрипучим голосом:

– Я сделала все, что в моих силах, чтобы исправить положение. Напрочь испортила себе поездку к морю. Все выходные не расставалась с телефоном, пыталась дозвониться до Фишера и Уолдгейва. Посылала одно сообщение за другим, но в скалах Гвизиэна, будь они неладны, связи не было...

– Вы родом из тех краев? – Страйк немного удивился, потому что не распознал в ее речи отзвуков своего корнуэльского детства.

– В тех краях живет одна писательница – моя подопечная. Я при ней упомянула, что четыре года не была в отпуске, и она пригласила меня на выходные. Хотела показать мне эти заветные красоты природы, которые описаны во всех ее романах. Пейзажи действительно великолепны, даже не знаю, с чем их сравнить, но у меня из головы не шел этот проклятый «Бомбикс Мори» – как бы кто-нибудь не стал его читать. Я потеряла сон... не находила себе места... Наконец, в воскресенье днем, прорезался Джерри. Оказалось, поездка у них сорвалась; он божился, что не получал от меня никаких сообщений, а потому взялся читать этот пасквиль. Не испытал ничего, кроме отвращения и злобы. Я пообещала Джерри сделать все возможное, чтобы не допустить публикации этой мерзости... но призналась, что отправила ее Кристиану тоже, и тут Джерри бросил трубку.

– Вы сказали ему, что Куайн планирует интернет-издание?

– Нет, не сказала, – хрипло выговорила она. – Я молила Бога, чтобы это оказалось пустой угрозой, ведь Оуэн даже не знает, как подступиться к компьютеру. Но меня беспокоило...

Ее рассказ прервался.

– Вас беспокоило?... – напомнил Страйк.

Она не отвечала.

– Его планы самостоятельного издания кое-что проясняют, – как ни в чем не бывало продолжил Страйк. – По словам Леоноры, Куайн в тот вечер забрал свой экземпляр рукописи и все черновики. Я еще подумал: не собирается ли он их сжечь или выбросить в реку, но у него, вероятно, уже созрела идея электронной публикации.

Эти сведения не смягчили агента. Стиснув зубы, Элизабет Тассел процедила:

– У него есть подруга. Они познакомились на его семинаре по литературному мастерству. Свои творения она размещает исключительно в интернете. Мне рассказывал об этом сам Оуэн – пытался заинтересовать меня ее бездарными эротическими фантазиями.

– Вы сейчас ей не звонили? – насторожился Страйк.

– Представьте себе, звонила. Хотела ее припугнуть – объяснить, что, помогая Оуэну оцифровать книгу или продать ее через интернет, она рискует угодить под суд за соучастие.

– И что она?

– Не отвечает. Я набирала ее номер не раз и не два. Возможно, переехала, не знаю.

– Вы разрешите мне записать ее контактные данные? – попросил Страйк.

– Раф даст вам ее визитку. Я поручила ему дозваниваться. Раф! – гаркнула она.

– Он еще выгуливает Бо! – пискнула из-за двери хрупкая помощница.

Закатив глаза, Элизабет Тассел тяжело поднялась со своего места:

– Этой бесполезно поручать что-либо найти.

Как только дверь кабинета распахнулась, а потом захлопнулась за спиной литагента, Страйк вскочил со стула, обогнул письменный стол и принялся разглядывать висевший на стене групповой портрет, приковавший его внимание. Этот цветной снимок частично загораживала поставленная на книжную полку фотография двух доберманов, которую пришлось снять. Заинтересовавший Страйка портрет формата А4 сильно выцвел. Судя по одежде изображенных на нем людей, сфотографировались они по меньшей мере четверть века назад, причем у дверей этого дома. Элизабет, единственная женщина, была вполне узнаваемой: крупная, некрасивая, с длинными, отброшенными назад волосами, в совершенно не украшающем ее платье густо-розовых и бирюзовых тонов, с заниженной талией. По одну сторону от нее стоял стройный, необычайно привлекательный блондин, по другую – невысокий, унылый, болезненного вида человек, со слишком большой для такого туловища головой. Страйк подумал, что где-то его уже видел: не то в газетах, не то по телевидению. За спиной у этого неопознанного, но, вполне возможно, известного персонажа торчал молодой Оуэн Куайн. Самый высокий из всей четверки, он был одет в жеваный белый костюм, а прическа его представляла собой нечто среднее между рыбьим хвостом и ирокезом. Страйку он напомнил располневшего Дэвида Боуи.

Дверь неслышно распахнулась на хорошо смазанных петлях. Страйк и не подумал скрывать свой интерес; он лишь повернулся к хозяйке кабинета, державшей листок бумаги.

– Это Флетчер, – объяснила она, глядя на фотографию собак в руках у Страйка. – В прошлом году его не стало.

Страйк вернул фото ее питомцев на книжную полку.

– Ах вот оно что, – сообразила Элизабет Тассел. – Вас другое заинтересовало.

Она подошла к выцветшему портрету, остановилась рядом со Страйком, и он прикинул, что в ней примерно шесть футов росту. От нее пахло сигаретами «Джон Плейер специалз» и духами «Арпезж».

– Мы сфотографировались по случаю открытия моего агентства. Здесь трое моих первых

клиентов.

- Кто этот человек? – Страйк указал на белокурого красавца.
- Джозеф Норт. Самый талантливый из этой троицы. К сожалению, умер молодым.
- А это?..
- Майкл Фэнкорт, кто же еще? – с удивлением ответила она.
- Я сразу подумал: знакомое лицо. Вы до сих пор его представляете?
- Нет! Я полагала...

Он услышал ее, хотя продолжение повисло в воздухе: «Я полагала, что это знают все».

Наверное, весь литературный Лондон об этом и вправду знал, а вот Страйк – нет.

– А почему вы с ним больше не сотрудничаете? – спросил Страйк, возвращаясь на место.

Она протянула ему через стол принесенный листок: это была ксерокопия визитки – похоже, измятой и засаленной.

– Много лет назад мне пришлось выбирать между Майклом и Оуэном, – сказала Элизабет Тассел. – И я как последняя д...дура... – Она вновь зашлась кашлем и гортанно проскрипела: – Выбрала Оуэна. Вот все контактные данные Кэтрин Кент, которыми я располагаю, – твердо закончила она, давая понять, что тема Фэнкорта закрыта.

– Благодарю вас. – Сложив листок, Страйк убрал его в бумажник. – Как по-вашему, давно у них роман?

– Порядочно. Когда Леонора занята с Орландо, он таскает с собой эту лахудру на все приемы. Фантастическое бесстыдство.

– У вас нет никаких предположений, где он скрывается? Леонора говорит, что во всех предыдущих случаях именно вы разыскивали его...

– Не имею привычки «разыскивать» Оуэна, – резко перебила Элизабет Тассел. – Он сам звонит мне где-то через неделю и просит аванс – так у него называется безвозмездный денежный перевод, – чтобы оплатить счет за мини-бар.

– И вы идете ему навстречу? – удивился Страйк. Эта женщина отнюдь не выглядела мягкотелой.

Ее гримаса подтвердила, насколько он мог судить, постыдную слабость, но ответ прозвучал неожиданно:

– А вы видели Орландо?

– Нет.

Элизабет Тассел уже открыла рот, но осеклась.

– Мы с Оуэном знакомы сто лет, – только и сказала она, а потом с ноткой горечи добавила: – Когда-то были добрыми друзьями...

– В каких отелях он раньше отсиживался?

– Всех не припомню. Кенсингтонский «Хилтон» – это раз. «Данубиус» в Сент-Джонс-Вуде – это два. Большие, безликие гостиницы, где можно получить все земные блага, которых он лишен у себя дома. Оуэн сибарит во всем, за исключением личной гигиены.

– Вы очень близко знакомы с Куайном. Как по-вашему, он, случайно, не мог...

С легкой усмешкой она закончила его фразу:

– ...«сотворить над собой какую-нибудь глупость?» Еще чего! Разве ему придет в голову лишиться этот мир такого гения, как Оуэн Куайн? Нет, он сейчас затаился, придумывает, как бы нам всем отомстить, и сокрушается, что его не разыскивает полиция всей страны.

– Неужели он, регулярно пускаясь в бега, ожидает розыска?

– Естественно, – сказала Элизабет. – Он всякий раз спит и видит, как бы попасть в газетные заголовки. Но вся штука в том, что много лет назад, когда он поскандалил со своим первым редактором и надумал разыграть исчезновение, это сработало. Действительно, тогда поднялось легкое волнение, которое отозвалось в прессе. С тех пор он тешит себя надеждой повторить этот номер.

– Его жена уверена, что он будет вне себя, если она заявит в полицию.

– Не знаю, откуда у нее такие мысли. – Элизабет взялась за очередную сигарету. – Оуэн считает, что ради личности его масштаба страна должна как минимум поднять в воздух вертолеты и пустить по его следу всех служебных собак.

– Что ж, спасибо за уделенное мне время, – сказал Страйк, собираясь встать. – Очень любезно с вашей стороны, что вы согласились на эту встречу.

Элизабет Тассел протянула ему руку и ответила:

– Не стоит преувеличивать. У меня свой интерес.

Страйк выжидал. Эта женщина явно была не из тех, кто просит об одолжении. Некоторое время Элизабет молча курила, потом напряженно откашлялась.

– Эта... эта история... с «Бомбиксом Мори»... нанесла мне значительный ущерб, – прохрипела она. – Мое приглашение на юбилейный банкет «Роупер Чард», это в ближайшую пятницу, аннулировано. Две рукописи моих клиентов, рассматривавшиеся в этом издательстве, завернули без объяснения причин. Теперь я уже начинаю беспокоиться за последнюю книгу бедняги Пинклмена. – Она кивнула в сторону висящей на стене фотографии престарелого детского писателя. – Кто-то распускает гнусные слухи, что я состою в сговоре с Оуэном, что подстрекала его вновь разжечь давний скандал вокруг Майкла Фэнкорта, дабы устроить драку за эту книгу. Вам придется беседовать со всеми знакомыми Оуэна, – сказала она, переходя к делу. – Буду весьма признательна, если вы скажете им – и прежде всего Джерри Уолдегрейву, коль скоро он будет в числе первых, – что я не имела представления о содержании этого романа. Если бы не моя болезнь, я не стала бы показывать рукопись никому, а тем более Кристиану Фишеру. Я проявила... – она помедлила, – неосмотрительность, но не более того.

Так вот, значит, почему Лиз Тассел искала этой встречи. Страйк посчитал, что она назначила вполне умеренную цену за информацию о двух отелях и одной любовнице.

– При первом же удобном случае доведу это до их сведения, – пообещал Страйк, вставая со стула.

– Спасибо, – угрюмо буркнула она. – Я вас провожу.

За порогом кабинета их встретил истошный лай. Старый доберман в сопровождении Рафа вернулся с прогулки. Мокрые волосы Рафа были зачесаны назад; он с трудом удерживал рычащего пса в сером наморднике, чтобы тот не бросился на Страйка.

– Он чужих недолюбливает, – равнодушно выговорила Элизабет Тассел.

– А однажды Оуэна покусал, – решил вставить Раф, как будто это могло примирить Страйка с очевидным желанием добермана разорвать его на части.

– Да, – подтвердила Элизабет Тассел, – жаль, что...

Тут на нее в который раз напал дребезжащий, с присвистом кашель. Страйк и пара референтов молча ждали, когда она придет в себя.

– Жаль, что не загрыз, – проскрипела она. – Это избавило бы нас от множества неприятностей.

Ее подчиненные лишились дара речи. Страйк пожал руку литагента и распрощался.

Вслед ему неслось рычание добермана.

Не здесь ли мистер Петьюлент, хозяйюшка?

Уильям Конгрив.

Так поступают в свете^[5]

Остановившись в конце залитой дождем улицы, образованной рядами старых домов, перестроенных из конюшен, Страйк позвонил Робин, но у той было занято. Он прислонился к стене, поднял воротник пальто и стал методично нажимать на кнопку повторного набора. В какой-то момент взгляд его упал на прикрепленную к противоположной стене голубую мемориальную доску, которая увековечивала память хозяйки литературного салона леди Оттолайн Моррелл^[4]. Несомненно, здесь в свое время обсуждались среди прочего и скабрзные *romans à clef*^[5]...

– Привет, Робин, – сказал Страйк, наконец-то пробившись к себе в бюро. – Я опаздываю. Будь добра, позвони Ганфри и передай ему, что на завтра у меня назначена встреча, железно ограниченная по времени. И скажи Кэролайн Инглз, что никакого движения больше не наблюдалось, но завтра я сам ей позвоню и сообщу последние сведения.

Внеся изменения в свой график, он продиктовал ей название отеля в Сент-Джонс-Вуде – «Данубиус» – и поручил выяснить, не проживает ли там Оуэн Куайн.

– А что слышно насчет «Хилтонов»?

– Ничего хорошего, – сказала Робин. – Осталось еще два. Пока результатов нет. Если он и остановился в каком-нибудь «Хилтоне», то либо под чужим именем, либо в гриме – ну или персонал там крайне рассеянный, этого я тоже не исключаю. Такую фигуру трудно не заметить, особенно в мантии.

– А кенсингтонский «Хилтон» проверила?

– Да. Все без толку.

– Ладно, у меня появилась еще наводка: его подруга Кэтрин Кент, самостоятельно издающая свои книжки. Вероятно, чуть позже я к ней наведаюсь. Отвечать на телефонные звонки сегодня не смогу: я веду слежку за мисс Броклхэрст. Если что, присылай эсэмэс.

– Хорошо. Удачной слежки.

Но вечер оказался скучным и бесплодным. Страйк вел наблюдение за высокооплачиваемой референткой, которую чрезмерно подозрительный босс, он же любовник, заподозрил в том, что она ублажает и посвящает в коммерческие тайны одного из конкурентов его фирмы. Однако мисс Броклхэрст, которая после обеда отпросилась с работы под тем предлогом, что хотела, на радость своему возлюбленному, сделать тщательную депиляцию и маникюр, а также заглянуть в солярий, не покривила душой. Страйк битых четыре часа торчал в кофейне «Неро», глядя сквозь залитое дождем оконное стекло на дверь спа-салона, и только навлек на себя гнев молодых мамаш с колясками, которым хотелось посидеть у окошка и посплетничать. В конце концов из дверей появилась мисс Броклхэрст, с бронзовым загаром и, по-видимому, практически без единого волоска от шеи до пят. Пройдя несколько шагов за ней следом, Страйк увидел, как она скользнула в такси. Каким-то чудом (при такой погоде) он сразу же схватил другую машину, но преследование, замедляемое

дорожными пробками и потоками дождя, закончилось, как и следовало ожидать, у дома параноика-босса. Страйк всю дорогу скрытно делал фотографии, потом расплатился с таксистом и мысленно прикинул затраты своего рабочего времени. На часах было около шестнадцати; день уже клонился к закату, нескончаемый дождь стал еще холоднее. В окнах трагтории, мимо которой лежал путь Страйка, зажглись рождественские огни, и Страйку опять – в третий раз за короткий промежуток времени – вспомнился Корнуолл, шепотом звавший его к себе.

Сколько же лет – неужели пять? – не бывал он в милом приморском городке, где прошли самые мирные годы его детства? Правда, он и потом виделся с тетушкой и дядей, когда те, по их застенчивому выражению, «выбирались в Лондон», останавливались у его сестры Люси и наслаждались видами столицы. В прошлый раз Страйк взял дядю Теда с собой на стадион «Эмирейтс»¹⁶ («Арсенал» играл с «Манчестер Сити»).

У него в кармане завибрировал телефон: Робин, неукоснительно соблюдавшая все инструкции, прислала сообщение:

М-р Ганфри просит о встрече завтра в 10 у него в офисе; хочет нечто сообщить. Ц. Р.

«Спасибо», – написал в ответ Страйк. Никаких «целую» он не признавал, разве что в сообщениях, адресованных сестре и тете Джоан.

На подходе к метро Страйк обдумал дальнейшие действия. У него из головы не шло исчезновение Оуэна Куайна – такая неуловимость могла и раздосадовать, и заинтриговать кого угодно. Страйк достал из бумажника листок, полученный от Элизабет Тассел. Под именем «Кэтрин Кент» стояли адрес многоэтажки в Фулеме и номер мобильного телефона. Вдоль нижнего края визитки было напечатано: «Независимый автор».

В отдельных районах Лондона Страйк ориентировался не хуже опытного таксиста. Притом что в детстве его никогда не заносило в фешенебельные кварталы, он обретался в самых разных частях столицы вместе со своей непоседливой, ныне покойной матерью – обычно в сквотах или ночлежках, но порой (если очередной ухажер матери располагал хоть какими-то средствами) и в более завидных условиях. Место жительства Кэтрин Кент было ему хорошо знакомо: на Клемент-Эттли-Корт стояли старые муниципальные дома, многие из которых теперь перешли в частные руки. В Фулеме неказистого вида кирпичные высотки, с круговыми балконами-галереями на всех этажах, располагались в нескольких сотнях ярдов от особняков стоимостью в миллионы фунтов.

Дома его никто не ждал; после кофе и булочек из «Неро» в желудке ощущалась сытость. Вместо того чтобы сесть на поезд Северной ветки, Страйк выбрал линию Дистрикт, доехал до Западного Кенсингтона и в сумерках двинулся пешком по Норт-Энд-роуд, где тянулись не выдержавшие кризиса заколоченные лавчонки. К многоэтажным домам он подошел уже в полной темноте.

Жилой квартал Стаффорд-Криппс-Хаус, находившийся ближе всех к главной дороге, стоял за невысоким современным зданием медицинского центра. Оптимист-проектировщик, увлеченный, по всей видимости, идеями социализма, предусмотрел для каждой квартиры небольшой балкончик. Не иначе как он воображал, что счастливые жильцы будут разводить цветы и, перегнувшись через перила, радостно приветствовать соседей. Но нет: эти наружные квадратики служили исключительно для хранения всяческого хлама: открытые

всем стихиям, там громоздились старые матрасы, коляски, кухонная утварь, вороха грязной одежды – словно кто-то распилил сверху вниз хозяйственные шкафы и выставил их внутренности на всеобщее обозрение.

Возле пластмассовых мусорных бачков сидела горластая компания парней в капюшонах. Страйка проводили оценивающими взглядами. Он был шире в плечах и выше любого из этих юнцов.

– Здоровый бычара, – донеслось до него, когда он уже вошел в подъезд и, даже не нажав на кнопку явно неработающего лифта, направился к бетонным лестничным ступеням.

Квартира Кэтрин Кент находилась на четвертом этаже; попасть в нее можно было только с продуваемой насквозь общей кирпичной галереи, опоясывающей весь дом. Отметив, что у Кэтрин, в отличие от ее соседей, окна задернуты настоящими занавесками, Страйк постучал в дверь.

На стук никто не ответил. Если Оуэн Куайн и прятался внутри, то решительно не хотел себя обнаруживать: свет в комнате не горел, никакого движения не ощущалось. Из-за соседней двери высунулась злобного вида женщина с сигаретой в зубах, окинула Страйка испытующим взглядом и с почти комической быстротой шмыгнула обратно. На галерее свистел холодный ветер. Пальто Страйка поблескивало дождевыми каплями, а непокрытая голова – он это знал – выглядела как обычно: короткие, курчавые, густые волосы дождя не боялись. Засунув руки в карманы, он нащупал в одном из них плотный конверт, о котором совершенно забыл. Лампочка над дверью Кэтрин Кент была разбита, и Страйку пришлось продвинуться на две квартиры дальше, чтобы вскрыть серебристый конверт при электрическом свете.

Мистер и миссис Майкл Эллакотт приглашают Вас на торжественное бракосочетание своей дочери, Робин Венеции, и мистера Мэтью Джона Канлиффа, которое состоится в церкви Девы Марии (г. Мэссем) в субботу, 8 января 2011 года, в 14:00, а затем на обед в отеле-замке «Суинтон-Парк»

Своей категоричностью приглашение напоминало армейские приказы: «венчание провести в соответствии с вышеуказанными распоряжениями». У них с Шарлоттой дело так и не дошло до той стадии, когда положено рассылать плотные кремовые карточки с блестяще-черным гравированным курсивом текста.

Опустив приглашение поглубже в карман и думая о своем, Страйк вернулся к неосвященной двери Кэтрин и стал наблюдать за темной Лилли-роуд, по которой неслись фары дальнего и ближнего света и зыбкие рубиновые и янтарные отражения. Тусовавшиеся под балконом юнцы сбились в кучку, потом рассредоточились, приняли к себе других и перегруппировались.

В половине седьмого они всей сворой отделились от дома. Страйк провожал их взглядом, пока они не превратились в смутные силуэты; в этот миг из темноты появилась женщина, идущая им навстречу. Когда она оказалась в лужице света уличного фонаря, Страйк заметил черный зонтик, а под ним – гриву рыжих волос.

При ходьбе женщина, то и дело отбрасывая назад густые, растрепанные ветром локоны, клонила набок, потому что в одной руке у нее был только зонтик, а в другой – два тяжелых магазинных пакета, но на расстоянии она все же выглядела довольно милостивой, да и ножки, видневшиеся из-под свободного пальто, оказались вполне стройными. Незнакомка

приблизилась, пересекла бетонированный двор, не замечая, что за ней следят с высоты четвертого этажа, и скрылась в подъезде. Через пять минут она появилась на галерее, где поджидал Страйк. Вблизи стало заметно, что застежка ее пальто готова лопнуть на полном весе, округлом бюсте. Женщина брела повесив голову, а потому заметила Страйка лишь метров с десяти. Когда она вздернула подбородок, Страйк, вопреки своим ожиданиям, увидел далеко не юное лицо, с морщинами и припухлостями. Женщина приросла к месту и ахнула:

– Ты!

Страйк понял, что в потемках он видится ей лишь неясным силуэтом.

– Ах ты, гад!

Пакеты упали на бетонный пол; послышался звон разбитого стекла. Женщина бросилась прямо на него, размахивая кулаками:

– Ты гад, гад! Я тебя не прощу, никогда не прощу, пошел вон!

Страйку пришлось отразить пару неистовых ударов и на шаг отступить, а она с воплем кидалась на него в тщетных попытках пробить оборону бывалого боксера.

– Ну, погоди... Пиппа тебя убьет, к чертовой матери... дай срок...

Соседская дверь вновь приоткрылась: на пороге стояла все та же мегера с сигаретой в зубах.

– Эй! – окликнула она.

Свет из ее прихожей упал на лицо Страйка. Рыжеволосая незнакомка не то ахнула, не то вскрикнула – и попятилась.

– Чего разорались? – рявкнула соседка.

– Ошибочка вышла, – дружелюбно сказал Страйк.

Соседка захлопнула дверь, оставив Страйка и его противницу в темноте.

– Кто вы такой? – прошептала женщина. – Что вам нужно?

– Вы – Кэтрин Кент?

– Что вам нужно? – Она почему-то запаниковала. – Если это то, что я думаю, я этим больше не занимаюсь!

– Как, простите?

– Да кто вы такой, в конце-то концов? – Она перепугалась еще сильнее.

– Меня зовут Корморан Страйк, я частный детектив.

Он давно перестал удивляться реакции людей, которые заставляли его у себя на пороге. Потрясенное молчание Кэтрин было вполне типичным ответом. Пятясь от Страйка, она споткнулась о свои пакеты и чуть не упала.

– Кто натравил на меня частного детектива? Она? – свирепо допытывалась женщина.

– Мне поручили розыск писателя Оуэна Куайна, – объяснил Страйк. – Он исчез почти две недели назад. Я в курсе, что вы с ним дружны...

– Ничего подобного, – выговорила она, поднимая с полу глухо звякающие пакеты. – Так ей и передайте. Пусть она его себе забирает.

– Вы с ним больше не дружны? И не знаете, где он находится?

– Да мне плевать, где он находится.

На кирпичном бортике галереи появилась надменная кошка.

– Можно спросить: когда вы в последний раз...

– Нельзя! – отрезала Кэтрин и остервенело замахнулась пакетом.

Страйк напрягся, опасаясь, как бы она не смахнула с четвертого этажа поравнявшуюся с

ней кошку. Но кошка зашипела и спрыгнула на пол, где получила от Кэтрин Кент быстрый, прицельный пинок.

– Гнусная тварь! – бросила Кэтрин Кент; животное умчалось в темноту. – Дайте пройти. Мне домой нужно.

Посторонившись, Страйк пропустил ее к дверям. Она не сразу смогла найти ключ. Неловко порылась в карманах, но вынуждена была поставить пакеты у ног.

– Мистер Куайн исчез после скандала с агентом из-за своей последней книги, – сказал Страйк, пока Кэтрин обшаривала складки пальто. – Вы, случайно, не знаете...

– Плевать мне на его книгу... Я ее не читала, – добавила она.

У нее тряслись руки.

– Миссис Кент...

– Миз, – поправила она.

– Миз Кент, жена мистера Куайна говорит, что к ним домой приходила какая-то женщина и спрашивала ее мужа. По описанию...

Ключ наконец-то нашелся, но тут же выскользнул из пальцев Кэтрин Кент. Страйк наклонился, чтобы его поднять; она вырвала ключ у него из рук.

– Ничего не знаю.

– Вы не заходили на той неделе к нему домой?

– Говорю же, я понятия не имею, где он прячется, ничего не знаю, – отрезала она, повернула ключ в замочной скважине и подхватила оба пакета, в одном из которых по-прежнему что-то глухо брякало.

На пакетах Страйк прочел название ближайшего хозяйственного магазина.

– Тяжело, наверное.

– У меня поплавковый клапан полетел.

И захлопнула дверь у него перед носом.

Вердон. Мы будем драться.

Клермон. Так тому и быть, господа, деритесь вволю; но через несколько минут прибудет...

Фрэнсис Бомонт, Филип Мессинджер. Маленький французский адвокат

Следующим утром Робин, вспотевшая и покрасневшая, вышла из метро с зонтиком, который оказался совершенно лишним. После вереницы дождливых дней, когда в вагонах стоял удушливый запах мокрой ткани, на тротуарах было скользко, а по окнам сбегали капли, внезапное наступление сухой, солнечной погоды застало ее врасплох.

Кто-то, возможно, радовался, получив передышку от ливней и низких свинцовых туч, но Робин не замечала ничего вокруг. Они с Мэтью сильно поссорились. Теперь она испытала едва ли не облегчение, когда за стеклянной входной дверью с выгравированным именем и профессиональным статусом Страйка нашла пустую приемную: босс, уединившись в кабинете, вел телефонные переговоры. Робин чувствовала, что перед началом общения ей необходимо взять себя в руки, поскольку именно Страйк стал предметом вчерашнего раздора.

– Ты пригласила его на свадьбу? – резко спросил Мэтью.

Она побоялась, что Страйк обмолвится об этом приглашении во время их общей встречи, и решила поставить Мэтью в известность заранее, чтобы его недовольство не выплеснулось на Страйка.

– С каких это пор мы раздаем приглашения без ведома друг друга? – завелся Мэтью.

– Я как раз собиралась тебе сказать. А может, даже говорила. – Тут Робин разозлилась на себя: она никогда не обманывала Мэтью. – Это же мой начальник; естественно, он ожидает приглашения!

Еще одна ложь: по ее наблюдениям, Страйку это было глубоко безразлично.

– Знаешь что, я просто хочу, чтобы он присутствовал, – объявила Робин, наконец-то сказав правду.

Ей хотелось, чтобы работа, интереснее которой у нее никогда не было, переплелась с ее личной жизнью, пока еще не допуская такой сближения; пусть бы из них образовалось приемлемое для всех единое целое; пусть бы Страйк пришел на венчание и одобрил («одобрил»! С какой стати он должен одобрять?) ее брак с Мэтью.

Она подозревала, что Мэтью будет далеко не в восторге, но надеялась, что к тому времени мужчины успеют познакомиться и сдружиться; если этого еще не произошло, то не по ее вине.

– А кто-то еще устроил истерику, когда я хотел пригласить Сару Шедлок, – заметил Мэтью; это был удар ниже пояса.

– Хорошо, пригласи ее! – разозлилась Робин. – Только это не одно и то же... Корморан никогда не пытался затащить меня в постель... как прикажешь понимать твою ухмылку?

Когда скандал разгорелся не на шутку, позвонил отец Мэтью и сообщил, что странные покалывания, на которые жаловалась неделю назад мать Мэтью, оказались микроинсультом. После этого и до Робин, и до Мэтью дошло, что продолжать перепалку насчет Страйка было

бы кошунством, и, теоретически помирившись, они безо всякого настроения легли в постель, хотя оба – как понимала Робин – внутренне кипели.

Страйк появился из кабинета только к полудню. На этот раз он был не в костюме, а в грязном, дырявом свитере, в джинсах и кроссовках. На его лице темнела густая щетина, которая отрастала за сутки. Робин тут же забыла о своих неприятностях и уставилась на босса: даже в ту пору, когда ему приходилось ночевать у себя в кабинете, он никогда не выглядел бомжом.

– Сделал несколько звонков для досье Инглз и раздобыл кое-какие телефонные номера для Лонгмана, – сообщил он Робин, протягивая ей старомодные, от руки пронумерованные на корешках картонные папки, какие привык использовать для подшивки документов еще в Бюро специальных расследований.

– Это... маскарад? – спросила она, разглядывая жирные (или какие-то другие) пятна на коленях его джинсов.

– Угу. Для дела Ганфри. Это долгая история.

Пока Страйк заваривал на двоих чай, они успели обсудить состояние трех текущих дел. Робин узнала последние сведения и планы дальнейших действий.

– А что слышно насчет Оуэна Куайна? – спросила она, принимая горячую кружку. – Что говорит его агент?

Опустившись на диван, который, как обычно, издал под его весом неприличный звук, Страйк поделился с ней подробностями беседы с Элизабет Тассел и встречи с Кэтрин Кент.

– Готов поклясться: в первый момент она приняла меня за Куайна, – сказал Страйк.

Робин засмеялась:

– Ты не настолько толстый.

– Спасибо тебе, Робин, – сухо бросил он. – Когда же до нее дошло, что я – не Куайн, а какой-то незнакомый тип, она сказала: «Я этим больше не занимаюсь». Ты что-нибудь понимаешь?

– Нет... но... – смущенно начала Робин, – я, честно говоря, вчера откопала кое-что насчет Кэтрин Кент.

– Каким образом? – поразился Страйк.

– Ну, ты ведь говорил, что она самостоятельно публикует свои произведения, – напомнила ему Робин, – вот я и решила пошарить в Сети, посмотреть, нет ли там чего-нибудь интересного... – двумя щелчками мыши она открыла нужную страницу, – и наткнулась на ее блог.

– Молодчина! – Страйк с готовностью оторвался от дивана, обошел вокруг письменного стола и остановился за спиной у Робин.

Дилетантски оформленный сайт назывался «Моя литературная жизнь». Главную страницу украшали рисунки гусиных перьев и чрезвычайно лестная фотография Кэтрин Кент, сделанная, по оценке Страйка, добрых десять лет назад. Блог представлял собой список постов, организованный по датам, в форме дневника.

– Основная ее мысль – что издатели-консерваторы не смогут распознать хорошую книгу, даже если получат ее по голове, – сказала Робин, прокручивая страницу вниз, чтобы Страйк составил общее представление. – Эта красавица написала три романа – по ее словам, в жанре эротического фэнтези, – которые образуют серию «Сага о Мелине». Их можно загрузить на «Киндл».

– Совершенно не хочется снова читать скверные книжки, – сказал Страйк. – С меня

хватило «Братьев Блудняк». А насчет Куайна здесь что-нибудь есть?

– Полно, – ответила Робин, – если допустить, что он тот самый, кого она называет Великим Писателем. Сокращенно – ВП.

– Вряд ли она спит сразу с двумя писателями, – заметил Страйк. – Наверняка он. «Великий» – это, конечно, громко сказано. Ты, например, до встречи с Леонорой знала имя Куайна?

– Нет, – призналась Робин. – А вот и он, смотри, второго ноября.

Сегодня вечером интересная беседа с ВП на тему Сюжета и Повествования что не одно и то же. Для тех, кто не знает: Сюжет – это то, что происходит, а Повествование – это сколько ты показываешь читателю и как ты это показываешь.

Приведу пример из моего второго романа «Жертва Мелины».

«Когда они шли к Хардерельскому лесу, Лендор поднял свой точеный профиль, чтобы посмотреть, далеко ли еще до цели. Его тренированное тело, доведенное до совершенства верховой ездой и стрельбой из лука...»

– Прокрути наверх, – не выдержал Страйк, – посмотри, что еще там есть про Куайна. Робин так и сделала; она остановилась на сообщении от двадцать первого октября.

Итак, звонит ВП, что не может со мной встретиться (опять). По семейным обстоятельствам. Чт'о я могу сказать, кроме того, что все понимаю? Когда мы полюбили друг друга, я знала, что мне будет не легко. Не могу писать открытым текстом, скажу только, что он привязан к нелюбимой жене из-за Третьей Стороны. Это не его вина. И не вина Третьей Стороны. Жена его не отпустит, хоть это было бы лучше для всех, вот и получается, что мы заперты, как мне иногда кажется в Чистилище Жена про меня знает, но претворяется что нет. Не знаю как можно жить с человеком, чье сердце принадлежит другой, я бы так не смогла. Так же ВП говорит, что для нее Третья Сторона важнее всего, даже важнее чем Он. Удивительно как часто «Забота» ровняется глубокому Эгоизму.

Кто-то скажет, что я сама виновата: полюбила Женатого мужчину. Вы не сможете сказать мне ничего такого, чтобы не говорили мне подруги, сестра и Мама. Я пыталась разорвать этот круг, но могу только сказать, что у Сердца свой разум, о котором Разум не ведает. И вот сегодня я весь вечер плачу и жду, когда у меня изменится Разум. ВП сказал мне, что почти закончил свой Шедевр и что книга получилась лучше всего написанного им раньше. «Надеюсь, тебе понравится. Там есть про тебя». Что можно сказать, когда Великий Писатель упоминает тебя в своем шедевральном произведении? Он столько мне дает и я это ценю. Мы, писатели, можем впустить в свое сердце кого угодно, даже неписателя, но что бы в свою Книгу?! Это нечто. Это совсем другое.

Не могу разлюбить ВП. У Сердца свой Разум.

Ниже шли комментарии.

Что ты скажешь, если я тебе признаюсь, что он зачитал мне один отрывок?
Пиппа2011.

Ты играешь с огнем Пип, мне он ничего не зачитывает!!! Кэт.

Еще не вечер. Пиппа2011 xxxx

– А вот это уже интересно, – оживился Страйк. – Очень интересно. Когда Кент вчера бросилась на меня с кулаками, она кричала, что некая Пиппа собирается меня убить.

– В таком случае посмотри сюда, – заволновалась Робин, переходя к девятому ноября.

В первый день нашего знакомства ВП мне сказал: «Твоему произведению грош цена, если в нем никто не истекает кровью, хотя-бы ты сама». Как известно читателям этого Блога, я Метафорически вскрыла себе вены – и здесь и в своих книгах. Но сегодня у меня такое чувство, будто меня смертельно ранил тот, кому я привыкла доверяться.

«О, Макхит! Ты лишил меня покоя. Мне было бы отратно видеть, как тебя пытаются»

– Откуда эта цитата? – спросил Страйк.

Пальцы Робин проворно забегали по клавиатуре.

– Нашла: Джон Гей, «Опера нищего»^[7].

– Подумать только, какие встречаются эрудитки среди тех, кто путает «также» и «так же» и без разбора ставит заглавные буквы.

– Не всем же быть гениями пера, – упрекнула его Робин.

– И слава богу. Я о таких наслышан.

– Взгляни на комментарий под этой цитатой, – сказала Робин, возвращаясь к блогу Кэтрин.

Пройдя по ссылке, она вывела на экран одно-единственное предложение.

Когда тебя вздернут на дыбу, Кэт, я своей рукой поверну рычаг.

Этот комментарий тоже был подписан «Пиппа2011».

– Пиппа – та еще штучка, верно? – отметил Страйк. – А нельзя ли узнать, на что живет эта Кент? Вряд ли эротическое фэнтези дает ей возможность платить по счетам.

– Здесь тоже не все так просто. Вот, смотри.

Двадцать восьмого октября Кэтрин написала:

Как и большинство Писателей, я вынуждена подрабатывать. Из соображений безопасности буду краткой. На этой неделе в нашем Учреждении опять усилили охрану, а значит у моего Коллеги по работе следовательно (новоявленный святоша, ханжески суется в мою личную жизнь) получил повод предложить начальству, что бы блоги и т. д. проверялись на предмет утечки информации. К счастью здравый смысл одержал верх и никакие действия не предпринимаются.

– Загадка, – сказал Страйк. – Усилили охрану... женская тюрьма? Психушка? Или мы уже подошли к промышленному шпионажу?

– А вот еще, взгляни: тринадцатое ноября.

Робин прокрутила текст вниз, до самого последнего сообщения, которое следовало за признанием Кэтрин в получении смертельной раны.

Три дня назад моя любимая сестра, которая боролась до последнего, скончалась от рака груди. Заранее спасибо всем-всем за добрые слова и поддержку.

За этим сообщением следовали два комментария, которые Робин тут же открыла.

Пиппа2011 написала:

Как печально Кэт. С любовью xxx.

На что Кэтрин ответила:

Спасибо Пиппа ты настоящий друг хххх

Высказанная авансом благодарность Кэтрин всем-всем уныло висела над этим скупым обменом репликами.

– Зачем это? – с тягостным чувством спросил Страйк.

– Ты о чем? – не поняла Робин и повернулась к нему.

– Зачем люди этим занимаются?

– Ведут блоги? Не знаю... Была же у кого-то фраза, что, мол, неосмысленная жизнь не стоит того, чтобы жить.

– Да, у Платона^{8}, – подтвердил Страйк, – но здесь не осмысление жизни, а сплошной эксгибиционизм.

– Ой! – Робин так вздрогнула от своей забывчивости, что облилась чаем. – Совсем из головы вылетело! Вчера, когда я уходила домой, позвонил Кристиан Фишер. Он интересуется, не собираешься ли ты писать книгу.

– Что-о-о?

– Книгу, – повторила Робин, давась от смеха при виде перекошенной физиономии Страйка. – Автобиографию. О службе в армии, о расследовании гибели Лулы Лэндри...

– Перезвони ему, – распорядился Страйк, – и скажи, что нет, я не собираюсь писать книгу.

Осушив свою кружку, он направился к стойке для одежды, где рядом с его черным пальто теперь появилась выдавшая виды кожаная куртка.

– Насчет сегодняшнего вечера не забыл? – предчувствуя недоброе, спросила Робин.

– А что сегодня вечером?

– Мы хотели встретиться, – обреченно выговорила она. – Втроем, с тобой и с Мэтью. В «Кингз армз».

– Нет, не забыл. – Страйк не понял, почему у нее такой напряженный, жалкий вид. – Во второй половине дня у меня дела, так что увидимся прямо там, ладно? В восемь, правильно?

– В восемнадцать тридцать. – Робин совсем приуныла.

– Точно. В восемнадцать тридцать. Приду... Венеция.

Робин не поверила своим ушам:

– Откуда ты...

– Из приглашения, – ответил Страйк. – Редкое имя. Почему тебя так называли?

– Потому что я... ну... по всей видимости, меня там зачали. – Робин покраснела. – В Венеции. А у тебя какое второе имя? – спросила она, наполовину любопытствуя, наполовину сердясь за его смешки. – «К. Б. Страйк» – что означает буква «Б»?

– Я пошел, – сказал Страйк. – Увидимся в восемь.

– В шесть тридцать! – выкрикнула она в сторону закрывающейся двери.

Путь Страйка лежал в Крауч-Энд, где находился заштатный магазин электронной техники. В подсобке хранились под замком краденые мобильные телефоны и ноутбуки, из которых заранее были удалены все личные данные, после чего очищенные гаджеты и удаленная из них информация продавались по отдельности любым заинтересованным лицам.

Владелец этой процветающей торговой точки доставлял массу неприятностей мистеру Ганфри – одному из клиентов Страйка. Мистер Ганфри (который сам был похлеще того жулика, что проник, по сведениям Страйка, в его корпоративный центр) совершил ошибку, перейдя кое-кому дорогу. С точки зрения Страйка, мистеру Ганфри лучше было бы убраться с рынка, пока не поздно. Страйк, у которого были общие знакомые с конкурентом мистера Ганфри, знал, что тот не остановится ни перед чем.

Объект встретил Страйка у себя в кабинете над магазином; пахло там примерно так же, как в агентстве Элизабет Тассел; в глубине сидели два парня в спортивных костюмах и чистили ногти. Страйк пришел под видом отморозка, по рекомендации общего знакомого, и выслушал планы своего предполагаемого работодателя относительно несовершеннолетнего сына мистера Ганфри, чьи передвижения уже были установлены с леденящей кровью точностью. Лавочник до того обнаглел, что предложил Страйку за пять сотен фунтов поставить мальчика на перо («Мочить не надо, только папашу пугнуть, усек?»)

Когда Страйк закончил переговоры, было уже далеко за шесть часов. Убедившись, что за ним нет хвоста, он первым делом позвонил мистеру Ганфри, чье удрученное молчание подсказало Страйку: клиент наконец-то понял, во что ввязался.

После этого Страйк набрал номер Робин.

– Извини, опаздываю, – сказал он.

– Ты где? – сдавленно спросила она.

Страйк услышал характерный гомон паба: разговоры, смех.

– В Крауч-Энде.

– Господи! – выдохнула она в трубку. – Ты же будешь сто лет сюда доби...

– Такси возьму, – заверил он. – Я мигом.

С какой стати, размышлял Страйк, проезжая на такси по Аппер-стрит, Мэтью выбрал паб в Ватерлоо? Из желания причинить неудобство Страйку? В отместку за то, что прежде Страйк выбирал удобные для себя пабы, где встречи каждый раз срывались? Страйк надеялся, что в «Кингз армз» можно будет нормально поесть. Он почему-то жутко проголодался.

До места назначения он добрался лишь минут через сорок – отчасти потому, что улица, где в девятнадцатом веке селился рабочий люд, была перекрыта для транспорта. Страйк предпочел выйти из такси, чтобы не ждать, пока брюзгливый водитель разберется в неподвластной здравому смыслу нумерации домов, и дальше пошел пешком, на ходу спрашивая себя: не потому ли Мэтью выбрал это место, что сюда хрен доберешься?

Живописный викторианский паб «Кингз армз» располагался в угловом доме; у входов толпились преуспевающие молодые люди в костюмах и – судя по виду – студенты, которые курили и выпивали. При его появлении все машинально расступились; проход получился даже шире, чем требовала его комплекция. Переступив через порог и оказавшись в небольшом баре, Страйк без особой надежды подумал, что ему в таком затрапезном виде вполне могут – если, конечно, повезет – указать на дверь.

Между тем в шумном главном зале, который представлял собой перекрытый стеклянным колпаком внутренний дворик, застенчиво украшенный всяким старьем, Мэтью смотрел на часы.

– Почти четверть восьмого, – сообщил он Робин.

В костюме, при галстукe, он, как и в любой компании, был здесь самым интересным мужчиной. Робин привыкла, что на него вечно заглядываются женщины, но так и не поняла,

ощущает ли Мэтью эти мимолетные знаки повышенного внимания. Рослый, голубоглазый, с ямочкой на волевом подбородке, он вынужден был сидеть на одной длинной деревянной скамье с галдящей студенческой компанией – ни дать ни взять чистокровный скаковой жеребец в одном стойле с хайлендскими пони.

– Вот он! – В голосе Робин послышалось облегчение, смешанное с настороженностью.

Ей показалось, что с момента ухода из бюро Страйк сделался еще больше и грубее. Он взял себе кружку эля «Хопхед» и, ориентируясь на рыжевато-золотистую голову Робин, с легкостью проложил путь к их столу. Мэтью встал. Казалось, он делает над собой усилие.

– Корморан... здравствуйте... добрались наконец-то.

– Вы – Мэтью, – сказал Страйк, протягивая ему руку. – Извините за опоздание, я пытался вырваться пораньше, но у меня была встреча с таким типом, к которому лучше не поворачиваться спиной без особого разрешения.

Мэтью ответил ему неопределенной улыбкой. Он так и знал, что Страйк будет драматизировать свой род занятий, нагонять туману. А в каком виде явился: будто в гараже колесо у машины менял.

– Садись, – нервно сказала Страйку Робин, сдвинулась на самый край скамьи и чуть не упала. – Есть хочешь? Мы как раз собирались что-нибудь заказать.

– Здесь неплохо кормят, – сообщил Мэтью. – Тайская кухня. Конечно, не «Манго три»^[9], но вполне приемлемо.

Страйк холодно улыбнулся. Ничего другого он и не ожидал: Мэтью будет сыпать названиями элитных ресторанов, чтобы, прожив в Лондоне ровно год, выставить себя искушенным столичным жителем.

– Как прошел день? – спросила его Робин.

Она думала, что Мэтью – узнай он, чем занимается Страйк, – проникнется таким же интересом к следственным действиям, как и она сама, и всякие предубеждения развеются.

Но Мэтью с плохо скрываемым равнодушием выслушал скупой ответ Страйка, лишенный каких бы то ни было характерных подробностей. Тогда Страйк, видя перед Робин и Мэтью пустые бокалы, предложил, что пойдет в бар и закажет на всех напитки.

– Ты мог бы хоть из вежливости проявить интерес, – зашипела на своего жениха Робин, как только Страйк отошел на достаточное расстояние.

– Робин, он встречался с торгашом из лавки, – процедил Мэтью. – Вряд ли в ближайшем будущем у них пойдет речь о правах на экранизацию.

Довольный своим остроумием, он уставился на противоположную стену и начал изучать меню, написанное мелом на доске. Когда вернулся Страйк, неся три бокала, Робин объявила, что намерена сама пробиться к стойке и заказать ужин. Она боялась оставлять мужчин наедине, но в то же время надеялась, что без нее они почувствуют себя свободнее.

В отсутствие Робин всплеск самодовольства Мэтью быстро пошел на убыль.

– Вы служили в армии, – против своей воли выдавил он, хотя заранее решил не допускать, чтобы их разговор вертелся вокруг жизненного опыта Страйка.

– Совершенно верно, – сказал Страйк, – в ОСР.

Мэтью смутно представлял, что это значит.

– А мой отец служил в авиации, – продолжил он. – Кстати, в одно время с Джеффом Янгом.

– Это кто?

– Валлийский регбист, помните? Провел двадцать три матча за сборную, так?

– Да-да, – сказал Страйк.

– Папа, кстати, дослужился до командира эскадрильи. В восемьдесят шестом демобилизовался и с тех пор занимается недвижимостью. Вполне успешный человек. Не настолько, разумеется, как ваш отец, – с легким вызовом добавил он, – но все же.

Козел, подумал Страйк.

– О чем вы тут беседуете? – встревоженно спросила Робин, садясь на прежнее место.

– В основном о папе, – ответил Мэтью.

– Жалко его, – заметила Робин.

– Это еще почему? – взвился Мэтью.

– Ну как же... он так переживает из-за твоей мамы. У нее ведь микроинсульт?

– А, – протянул Мэтью, – вот ты о чем.

С такими, как Мэтью, Страйк нередко сталкивался среди офицеров: под внешним лоском у этих людей скрывался островок неуверенности, побуждавший их проявлять излишнее рвение, а иногда и прогибаться.

– А что слышно в «Лоутер-Френч»? – обратилась Робин к Мэтью, чтобы дать ему возможность раскрыться, предстать перед Страйком настоящим Мэтью, которого она любила. – Мэтью проводит аудиторскую проверку этого странного маленького издательства. Там творятся забавные вещи, да? – подсказала она жениху.

– Ничего забавного – там полный хаос, – начал Мэтью и разглагольствовал до тех пор, пока им не принесли заказанные блюда.

В свой монолог он то и дело вставлял выражения вроде «девяносто штук», «четверть ляма» и разворачивал каждую фразу, как зеркало, таким образом, чтобы показать себя в выгодном свете: получалось, что он самый умный и самый сообразительный, что дает сто очков вперед медлительным, туповатым, хотя и старшим по должности коллегам, а также поучает недалеких сотрудников той фирмы, где идет аудиторская проверка.

– ...списать на рождественский корпоратив, а сами уже второй год едва в ноль выходят; впору не корпоратив, а поминки устраивать.

Мэтью сурово клеймил небольшую фирму, но когда официант принес тарелки, за столом повисло молчание. Робин, которая до последнего надеялась, что ее жених развлечет Страйка уже известными ей добродушными, незлобивыми историями о причудах мелкого издательства, не могла сообразить, что бы еще сказать. Впрочем, упоминание об издательском корпоративе навело Страйка на одну мысль. Он даже стал медленнее работать челюстями. Ему теперь виделась отличная возможность получить информацию о местонахождении Оуэна Куайна: безотказная память подсказала кое-какие факты, давно хранившиеся без пользы.

– У вас есть девушка, Корморан? – без обиняков полюбопытствовал Мэтью; ему хотелось ясности в этом вопросе, а Робин уклонялась от прямых ответов.

– Нет, – рассеянно ответил Страйк. – Извините... Я на минуту: надо сделать один звонок.

– Хоть два, – желчно сказал Мэтью, когда Страйк еще раз оказался вне пределов слышимости. – Сначала ты опоздал на сорок минут, теперь отвалил во время ужина. Ничего страшного, мы подождем, пока ты соизволишь вернуться.

– *Мэтт!*

На неосвященном тротуаре Страйк достал из кармана пачку сигарет и мобильный. Щелкнув зажигалкой, он отошел от других курильщиков и остановился в тихом и темном

месте, под кирпичными опорами железнодорожного моста.

Калпеппер ответил после третьего звонка.

– Страйк... – сказал он. – Как жизнь?

– Все нормально. У меня к тебе просьба.

– Ну, говори. – Калпеппер не спешил связывать себя обязательствами.

– Твоя двоюродная сестра Нина работает в «Роупер Чард»...

– Черт побери, ты-то откуда знаешь?

– Ты сам упоминал, – невозмутимо ответил Страйк.

– Когда?

– Пару месяцев назад, когда я расследовал по твоему поручению того пройдоху-дантиста.

– Ну и память! – поразился Калпеппер. – Патологическая. Итак, что тебе понадобилось от моей кухни?

– Не мог бы ты меня с ней свести, а? – попросил Страйк. – Завтра вечером «Роупер Чард» устраивает юбилейный прием – хочу туда наведаться.

– Зачем?

– Дело есть, – уклончиво ответил Страйк. Он никогда не посвящал Калпеппера в подробности великосветских разводов и банкротств, хотя тот вечно приставал с расспросами. – Я, между прочим, только что преподнес тебе на блюдечке главную сенсацию всей твоей карьеры, чертяка.

– Так уж и быть, – ворчливо согласился журналист после краткого раздумья. – Постараюсь тебе помочь.

– Она одинокая? – поинтересовался Страйк.

– Что? Ты заодно и перепихнуться хочешь? – возмутился Калпеппер, но Страйк отметил, что журналиста скорее повеселила, чем раздосадовала мысль о том, что сыщик положил глаз на его кухню.

– Нет, я просто хочу понять: если она придет со мной на банкет, не вызовет ли это лишних вопросов?

– Тогда другое дело. По-моему, она только что порвала со своим бывшим. Так мне кажется. Пришлю тебе номер ее телефона эсэмэской. Скорей бы воскресенье, – с плохо скрываемым злорадством добавил Калпеппер. – На лорда Запаркера обрушится лавина дерьма.

– Но вначале свяжи меня с Ниной, ладно? – напомнил ему Страйк. – Объясни ей, кто я такой, чтобы она понимала расклад, договорились?

Калпеппер ответил согласием и повесил трубку. Совершенно не торопясь возвращаться к Мэтью, Страйк докурил сигарету до самого фильтра и только после этого пошел назад.

Этот битком набитый зал, размышлял Страйк, пробираясь сквозь толпу и наклоняясь, чтобы не удариться головой о подвесные кашпо и указатели, чем-то похож на Мэтью: точно так же лезет вон из кожи. Внутреннее убранство включало старинную печку и допотопный кассовый аппарат, множество корзин для покупок, старинные гравюры, тарелки – все, чем богаты лавки старьевщиков.

Мэтью надеялся доесть лапшу до возвращения Страйка, но не сумел. Робин сидела с несчастным видом, и Страйк, который мог только гадать, что здесь произошло в его отсутствие, пожалел свою помощницу.

– Робин говорит, вы занимаетесь регби, – пересиливая себя, обратился он к Мэтью. – И в

свое время могли бы даже попасть в сборную графства, это действительно так?

Их вымученная беседа длилась примерно час и оживлялась лишь в те моменты, когда Мэтью заговаривал о себе. Страйк заметил, что Робин привычно подбрасывает своему жениху новые темы и реплики, чтобы дать ему возможность блеснуть.

– Давно вы вместе? – спросил Страйк.

– Девять лет, – ответил Мэтью, исподволь занимая прежнюю оборонительную позицию.

– Вот как? – удивился Страйк. – Наверное, со студенческой скамьи?

– Со школьной, – вступила Робин. – С выпускного класса.

– Мы учились в небольшой школе, – сказал Мэтью. – Из всех девчонок с мозгами она оказалась единственной, на кого не страшно посмотреть. Так что особого выбора не было.

Гаденыш, подумал Страйк.

Потом они втроем, разговаривая о всякой ерунде, прошли в темноте до вокзала Ватерлоо и расстались у входа в метро.

– Вот видишь, – удрученно сказала Робин, когда они с Мэтью направились к эскалатору. – Нормальный человек, правда?

– Пусть учится на часы смотреть, – бросил Мэтью: он так и не придумал, за что еще можно поддеть Страйка, не выставив себя идиотом. – Наверняка опоздает на сорок минут и помешает венчанию.

Но за этим стояло молчаливое разрешение пригласить Страйка на свадьбу, и Робин, хоть и не увидела никакого энтузиазма со стороны своего жениха, подумала, что все не так уж плохо.

А Мэтью тем временем размышлял о том, в чем не смог бы признаться ни одной живой душе. Робин точно описала ему внешность своего босса – волосы как на лобке, боксерский профиль, – но не упомянула, что Страйк такой громила. Сантиметров на пять выше Мэтью, который привычно радовался, что среди коллег он самый высокий. И еще одно. Мэтью счел бы дешевым бахвальством рассказы о подвигах в Афганистане и Ираке, о ранении, в результате которого Страйк потерял ногу, о боевой награде, вызывавшей особое восхищение Робин, однако же Страйк обходил эти темы молчанием, что еще сильнее раздражало Мэтью. Героизм Страйка, его насыщенная событиями жизнь, полные опасностей перемещения по свету витали, как призраки, над всеми разговорами.

Робин тоже сидела молча. Вечер произвел на нее тягостное впечатление. Мэтью предстал перед ней в ином свете; прежде она его таким не знала и не видела. Это все Страйк, озадаченно думала она, покачиваясь от толчков поезда. Почему-то она стала смотреть на Мэтью глазами Страйка. Как Страйк этого добился, она не понимала... начал, к примеру, расспрашивать Мэтью о регби... кто-то мог бы счесть это простой вежливостью, но Робин не заблуждалась... или она просто-напросто злилась на Страйка за опоздание и приписывала ему всякие коварные помыслы?

Так обрученная пара и доехала до своей остановки, объединенная молчаливым раздражением в адрес человека, который сейчас громко храпел в вагоне поезда, уносившегося все дальше по Северной ветке.

*Объясните,
За что вы презираете меня?*

Джон Уэбстер.

Герцогиня Амальфи^[6]

– Это Корморан Страйк? – спросил на следующее утро, без двадцати девять, интеллигентный девический голос.

– Он самый, – ответил Страйк.

– Это Нина. Нина Ласселс. Ваш номер телефона дал мне Доминик.

– Да-да, – сразу понял Страйк.

Голый по пояс, он стоял над кухонной раковиной перед зеркалом для бритья, поскольку в ванной, где помещался только душ, было темновато и тесно. Вытирая запястьем пену с губ, он сказал:

– Он объяснил вам суть дела, Нина?

– Да, вы хотите проникнуть на юбилейный прием в «Роупер Чард».

– «Проникнуть» – это сильно сказано.

– Зато как таинственно звучит!

– Пожалуй. – Он был приятно удивлен. – Значит, вы согласны?

– Еще бы, это же так интересно. Можно мне высказать догадку, почему вы хотите туда прийти и за всеми шпионить?

– Опять же «шпионить» – это не совсем...

– Прекратите меня расхолаживать. Могу я высказать догадку или нет?

– Высказывайте, – ответил Страйк, отпил чаю и посмотрел в окно.

На улице опять висел туман, загасивший недолгий солнечный свет.

– «Бомбикс Мори»! – выпалила Нина. – Точно? Я угадала? Скажите, что я права.

– Вы правы, – подтвердил Страйк, чем вызвал у нее радостный взглас.

– Мне не положено даже произносить это название. В издательстве вся информация заблокирована, разосланы циркуляры, у Дэниела в кабинете постоянно толкутся юристы. Где мы с вами встретимся? Нам лучше вначале познакомиться на нейтральной территории, а потом прийти вместе, вы согласны?

– Да, разумеется, – ответил Страйк. – Где вам будет удобно?

Доставая ручку из кармана пальто, висевшего у дверей, он с тоской думал, что мог бы провести этот вечер дома, отоспаться и никуда не спешить, чтобы набраться сил перед субботним утром, когда ему предстояло следить за вероломным мужем привлекательной брюнетки.

– Знаете паб «Старый чеширский сыр»? – спросила Нина. – На Флит-стрит? Никто из наших туда не заходит, а до работы два шага. Я понимаю, это банально, но мне там ужасно нравится.

Они условились встретиться в девятнадцать тридцать. Заканчивая бритье, Страйк размышлял, есть ли у него шанс познакомиться на этом приеме с кем-нибудь из тех, кому

известно местонахождение Куайна. Загвоздка в том, мысленно подколов Страйк свое отражение в круглом зеркале, когда они синхронно соскребали щетину со своих подбородков, что ты все еще действуешь по правилам ОСР. Государство больше не платит тебе за беспорочную службу, дружище.

Впрочем, других методов работы он не знал; его краткий, но незыблемый кодекс этики, которого он придерживался всю сознательную жизнь, гласил: любое дело выполняй на совесть.

Страйк намеревался до вечера поработать у себя в офисе – обычно это его не тяготило. Они с Робин делили бумажную волокиту на двоих. Его помощница служила ему толковой и зачастую полезной аудиторией; с первых дней их совместной работы ее увлекала механика расследования. Но сегодня он с определенной неохотой спускался по лестнице к себе в офис, и, конечно же, его тонко настроенные локаторы уловили в ее приветствии смущенное ожидание, которое, как он понимал, очень скоро должно было вылиться в вопрос: «Ну, как тебе Мэтью?» Уже по одной этой причине, рассуждал сам с собой Страйк, уединяясь в кабинете и плотно затворяя дверь (якобы для того, чтобы сделать ряд телефонных звонков), совершенно ни к чему встречаться со своей единственной подчиненной в неформальной обстановке.

Через пару часов голод погнал его в приемную. Как у них было заведено, Робин сходила за сэндвичами, но, принеся их в офис, не постучалась в кабинет, чтобы позвать Страйка перекусить. Такая ситуация тоже указывала на затянувшееся чувство неловкости. Чтобы отсрочить неизбежный разговор и как можно дольше самому не касаться щекотливой темы (авось пронесет; хотя с женщинами подобная тактика у него никогда не срабатывала), Страйк честно рассказал, как провел телефонные переговоры с мистером Ганфри.

– Он заявит в полицию? – спросила Робин.

– Мм... нет. Ганфри не из тех, кто по любому поводу бежит в полицию. Он почти так же крут, как и тот бандит, что планирует покушение на его сына. Ганфри понял, что дело дрянь.

– А ты не сообразил сделать запись вашего разговора с этим гангстером и собственноручно передать ее в полицию? – не подумав, спросила Робин.

– Нет, Робин, потому что в таком случае сразу станет ясно, откуда у полиции эта наводка, и тогда мне придется на каждом шагу остерегаться наемных убийц, а как тогда вести слежку?

– Но Ганфри не сможет вечно держать сына взаперти!

– И не надо. Ганфри устроит своим родным сюрприз: поездку в Штаты, позвонит из Лос-Анджелеса нашему другу-головорезу и скажет, что все обдумал и больше не намерен ставить палки в колеса чужому бизнесу. Такой ход не вызовет больших подозрений. Этот злодей уже сделал достаточно мерзостей, чтобы Ганфри остыл. В лобовое стекло его машины не раз запускали кирпичом, жену запугивали телефонными угрозами. Думаю, на следующей неделе мне надо будет еще разок прогуляться в Крауч-Энд, сказать, что мальчишка не выходит из дому, и вернуть полученную пятихатку, – вздохнул Страйк. – Не хочу, чтобы меня начали разыскивать, хоть это и маловероятно.

– Он тебе дал...

– Пятихатку... пятьсот фунтов, Робин, – объяснил Страйк. – Разве у вас в Йоркшире так не говорят?

– Неимоверная скупость: тебя ведь подрядили пырнуть ножом школьника, – с нажимом сказала Робин и, не дав Страйку опомниться, спросила: – Ну, как тебе Мэтью?

– Приятный парень, – на автомате солгал Страйк.

От подробностей он воздержался. Робин была далеко не глупа: Страйк и прежде отмечал у нее нюх на ложь, на любую фальшь... Тем не менее он поспешил перевести разговор на другое:

– Я вот о чем подумал: на следующий год, если мы будем в плюсе и я смогу повесить тебе оклад, надо бы взять в штат еще одного сотрудника. У меня дел по горло – так долго продолжаться не может. За последнее время сколько клиентов услышало от тебя отказ?

– Человека два-три, – холодно ответила Робин.

Заклучив, что его похвала в адрес Мэтью оказалась недостаточной, но твердо решив больше не лицемерить, Страйк вскоре ушел к себе в кабинет и закрыл дверь. Впрочем, на этот раз он оказался прав лишь отчасти. Робин действительно обескуражил его ответ. Она понимала: если бы Мэтью действительно произвел хорошее впечатление на Страйка, тот ни за что бы не сказал «приятный парень». Он бы выразился так: «А что, нормальный мужик» или «Не понимаю, как ты ухитрилась такого отхватить».

Но еще сильнее задела ее и даже обидели его планы взять на работу нового сотрудника. Повернувшись к монитору, Робин стремительно и яростно, как никогда, застучала по клавишам: ей предстояло составить счет для разводящейся брюнетки на еженедельную оплату услуг сыскного агентства. До сих пор у Робин было ощущение – по всей вероятности, ошибочное, – что она здесь больше чем просто секретарша. Она помогала Страйку собрать улики, чтобы отдать под суд убийцу Лулы Лэндри, причем кое-какие сведения раздобыла самостоятельно, по собственной инициативе. Да и после этого не раз выполняла поручения, выходявшие далеко за рамки секретарских обязанностей: во время наблюдения сопровождала Страйка там, где ему нежелательно было появляться в одиночку, очаровывала швейцаров, вызывала на откровенность трудных свидетелей, которых отпугивали грозная фигура и насупленная физиономия Страйка, и много раз совершала телефонные звонки от имени самых разных женщин: Страйк, с его густым басом, при всем желании не справился бы с такой задачей.

Робин считала, что и Страйк рассуждает примерно так же; время от времени он говорил: «Это полезно для отработки твоих следственных навыков», «Тебе не помешало бы овладеть техникой противодействия наблюдению» или что-то в этом духе. После того как бизнес прочно встанет на ноги (кстати, с ее помощью, если уж говорить без ложной скромности), считала она, ей будет предложен необходимый курс обучения. Но теперь выходило, что те брошенные вскользь фразы ничего не стоили – босс просто хотел погладить по головке секретаря-машинистку.

В таком случае что она здесь делает? Почему отказалась от более денежного места? (В запальчивости Робин предпочла не вспоминать, насколько отталкивающей представлялась ей работа – пусть даже хорошо оплачиваемая – в отделе кадров.)

Новый сотрудник, скорее всего, окажется лицом женского пола, обладающим всеми необходимыми навыками, а она, Робин, будет просиживать днями напролет в приемной, выполняя обязанности секретарши и телефонистки для двух начальников. Не для этого она пожертвовала приличной зарплатой, осталась работать у Страйка и тем самым создала постоянный источник напряжения в своей личной жизни.

Ровно в семнадцать часов Робин прервала печать на полуслове, надела свое неизменное пальто-тренч и ушла домой, с излишней силой хлопнув стеклянной дверью. Этот стук разбудил Страйка, который, положив голову на руки, крепко спал за письменным столом.

Сверившись с часами, он убедился, что уже пять, и не понял, кого в такое время принесло к нему в контору. Тогда он выглянул в приемную, увидел, что ни пальто, ни сумки Робин на месте нет, а монитор выключен, и только теперь сообразил, что она ушла не попрощавшись.

– Ой, какие мы нежные, – с досадой буркнул он.

Робин никогда не дулась; это было одним из тех качеств, которые он в ней ценил. Ну не понравился ему этот Мэтью – и что теперь? Им вместе детей не крестить. Тихо ругнувшись, Страйк запер контору и пошел к себе в мансарду, чтобы перекусить и подготовиться к встрече с Ниной Ласселс.

Она очень смелая женщина, остроумная и словоохотливая.

Бен Джонсон.

Эписин, или Молчаливая женщина^[7]

Засунув кулаки в карманы, Страйк торопливо (насколько позволяли усталость и ноющая все сильнее культя правой ноги) шагал по темному, холодному Стрэнду в сторону Флит-стрит. Этот вечер куда приятнее было бы провести в тишине и покое своей квартирки, не раз описанной журналистами; особых надежд на сегодняшний поход он не возлагал, но зато в этой морозной дымке, почти против своей воли, снова и снова поражался извечной красоте старинного города – одного из тех мест, с которыми его связывали воспоминания детства. Морозный ноябрьский вечер стер всю туристическую мишуру: фасад таверны «Олд белл» со светящимися ромбовидными окнами излучал благородное достоинство семнадцатого века; сторожевой дракон на постаменте Темпл-бара^[10] свирепым и резким силуэтом выделялся на фоне звездной черноты, а вдали, подобно восходящей луне, поблескивал купол собора Святого Павла. Когда до места встречи оставалось уже немного, на высокой кирпичной стене появились имена, выдающие чернильное прошлое Флит-стрит: «Пиплз френд», «Данди курьер», но вообще журналистскую братию, включая Калпеппера, давно вытеснили отсюда в Уоппинг и Кенэри-Уорф. Теперь в этом районе царствовала юстиция: на проходящего мимо сыщика взирал Королевский суд – верховный храм его ремесла.

В таком великодушном и непонятно сентиментальном настроении Страйк перешел через дорогу – туда, где у входа в «Старый чеширский сыр» желтел круглый фонарь, – и, пригнувшись, чтобы не стукнуться головой о низкую притолоку, двинулся по узкому проходу к дверям.

Тесный, обшитый деревянными панелями вестибюль, украшенный старинными картинами маслом, вел в небольшой основной зал. Страйк еще раз пригнулся, прошел под выцветшей доской с надписью: «Бар только для мужчин» и сразу заметил, что ему восторженно машет миниатюрная бледная девушка с огромными карими глазами. Кутаясь в черное пальто, она сидела у камина с пустым бокалом в хрупких белых руках.

– Нина?

– Я сразу поняла, что это вы: Доминик очень точно вас описал.

– Вы позволите вас угостить?

Она выбрала белое вино. Себе Страйк взял пинту «Сэма Смита» и втиснулся на неудобную деревянную скамью рядом с девушкой.

По залу гулял лондонский говорок. Будто читая мысли Страйка, Нина сказала:

– Это до сих пор самый настоящий паб. Только те, кто сюда не заходит, считают, что его оккупировали туристы. Здесь ведь бывали и Диккенс, и Джонсон, и Йейтс... Обожаю это место.

Она просияла, и Страйк ответил ей искренней теплой улыбкой, подогретой несколькими глотками пива.

– Далеко отсюда до вашей работы?

– Минут десять пешком, – ответила она. – У нас офис в двух шагах от Стрэнда. Новое здание, на крыше сад. Сегодня будет холодина, – добавила она, заранее содрогаясь и поплотнее запахивая пальто. – Но у начальства есть предлог не арендовать банкетный зал. Издательский бизнес переживает нелегкие времена.

– Вы упоминали, что «Бомбикс Мори» создал какие-то сложности, так? – Страйк вытянул под столом протезированную ногу и приступил к делу.

– Сложности – это очень мягко сказано, – заметила Нина. – Дэниел Чард рвет и мечет. Из Дэниела Чарда не принято делать негодяя, да еще в грязном пасквиле. Не положено, и все. Ни-ни. Это плохая идея. Он – неординарная личность. Говорят, его затянул семейный бизнес, но на самом деле он мечтал стать художником. Есть в нем что-то от Гитлера, – посмеялась она.

В ее огромных глазах плясали отражения горевших над стойкой лампочек. Смахивает, решил Страйк, на резвую, взволнованную мышку.

– От Гитлера? – переспросил он с легкой усмешкой.

– На этой неделе мы увидели воочию: в гневе он начинает бесноваться, как Гитлер. До сих пор Дэниел только бормотал себе под нос. А тут он так орал на Джерри, что через несколько кабинетов было слышно.

– А вы сами читали эту книгу?

Нина смешалась; у нее на губах заиграла озорная усмешка.

– По официальной версии – нет, – выговорила она, помолчав.

– Но неофициально...

– Скажем так: одним глазком подглядела.

– Рукопись хранится под замком?

– Да, конечно, у Джерри в сейфе. – Хитровато косясь в сторону, она приглашала Страйка вместе поиронизировать над недотепой-редактором. – Беда в том, что он всем сообщил шифр, поскольку не надеется на свою память, а так любой может ему напомнить. Джерри – милейший, порядочный человек; ручаюсь, ему и в голову не пришло, что кто-нибудь без разрешения полезет к нему в сейф за рукописью.

– А когда у вас появилась возможность подсмотреть одним глазком?

– В понедельник – Джерри только-только ее получил. Об этой книге уже поползли слухи, потому что Кристиан Фишер за выходные обзвонил полсотни человек и по телефону зачитал избранные места. Мне, кстати, сказали, что он вдобавок отсканировал текст и рассылал отрывки по мейлу.

– Видимо, это произошло до того, как в дело вмешались юристы?

– Конечно. Нас всех согнали в зал и стали запугивать анекдотичными предупреждениями об ответственности, если скажем хоть слово о книге. Такая чушь: якобы издевки над директором издательства ударят по репутации фирмы – издательство, по слухам, хотят преобразовать в открытое акционерное общество – и, следовательно, мы все рискуем остаться без работы. Не знаю, как юрист мог об этом разглагольствовать с такой серьезной миной. У меня папа – адвокат Королевского суда, – беспечно продолжила Нина, – и он говорит, что Чарду будет не так-то просто наказать кого-нибудь из сотрудников, когда эта история уже получила огласку за пределами фирмы.

– А Чард – хороший начальник? – спросил Страйк.

– По-моему, да, – забеспокоилась она, – но уж такой загадочный, такой вальяжный... Понимаете, то, что написал о нем Куайн, – это просто смехотворно.

– А именно?

– Ну, в книге Чард выведен под именем Фаллус Импудикус, а еще...

Страйк поперхнулся пивом. Нина хихикнула.

– Он выведен под именем Наглый Пенис? – со смехом переспросил Страйк и вытер губы тыльной стороной ладони.

Нина тоже расхохоталась; ее смех, похожий на сухое кудахтанье, совершенно не вязался с обликом прилежной школьницы.

– Вы учили латынь? Я начинала, но бросила – мне жутко не нравилось... Но что такое «фаллус», каждый поймет, верно? Я, кстати, нашла, что *Phallus impudicus* – это термин, обозначающий род грибов: весёлку обыкновенную. Если не ошибаюсь, у этого гриба отвратительный запах, а вид... – она вновь хихикнула, – вид как у гниющего мужского органа. Оуэн в своем репертуаре: непотребные имена и полная обнаженность.

– И как же выглядит у него в романе Фаллус Импудикус?

– Походка – как у Дэниела, речь – как у Дэниела, внешность – как у Дэниела, да еще некрофильское влечение к убитому им красавцу-писателю. Мерзкая чернуха. Джерри всегда говорит: Оуэн считает, что прожил день напрасно, если его читателей не стошнило как минимум дважды. Бедняга Джерри, – тихо добавила она.

– Почему «бедняга»? – удивился Страйк.

– Он тоже выведен в книге.

– И каков из него «фаллус»?

Нина опять хихикнула:

– Точно сказать не могу, я не читала те главы, в которых действует Джерри. Быстренько пролистала, чтобы найти про Дэниела, поскольку все говорили, что это самое непристойное и смешное. Джерри ушел из кабинета всего на полчаса, поэтому я торопилась, но всем известно, что он тоже фигурирует в книге: Дэниел вызвал его к себе, представил юристам и вынудил подписать все дурацкие циркуляры насчет того, что за разглашение сведений о «Бомбиксе Мори» нас постигнет вселенская катастрофа. Мне кажется, нападки Оуэна на Джерри немного примиряют Дэниела с действительностью. Джерри – всеобщий любимец; Дэниел, очевидно, считает, что ради Джерри каждый из нас готов держать рот на замке. Одному Богу известно, – Нина слегка посерьезнела, – с какой стати Куайн ополчился на Джерри. У Джерри врагов нет в принципе. А Оуэн, вообще говоря, порядочный негодяй, – добавила она запоздалое суждение, глядя на свой опустевший бокал.

– Повторить? – предложил Страйк.

Он отошел к бару. На противоположной стене висело в стеклянной витрине чучело попугая – единственная дичь, которая попалась ему на глаза. Но здесь, в уголке старого Лондона, Страйк проникся терпимостью и внушил себе, что бедная птица некогда пронзительно кричала и разговаривала именно в этих стенах, а не была куплена как реквизит из пуха и перьев.

– Вам известно, что Куайн исчез? – спросил Страйк, садясь рядом с Ниной.

– Да, слышала. Ничего удивительного – после такой заварухи.

– Вы с ним знакомы?

– По большому счету нет. Он иногда является в издательство, завернутый в свой дурацкий плащ, пытается флиртовать, вечно рисуется, хочет эпатировать. Мне видится в нем что-то жалкое, а книги его я вообще не признаю. Джерри уговорил меня прочесть «Прегрешение Хобарта», – по-моему, это кошмар.

– А вы, случайно, не в курсе: Куайн после исчезновения поддерживал с кем-нибудь контакты?

– Понятия не имею, – ответила Нина.

– И никто не знает, с какой целью он написал книгу, которая неизбежно повлечет за собой судебное преследование?

– Говорят, у него вышла крупная ссора с Дэниелом. Рано или поздно Куайн ссорится со всеми: одному Богу известно, сколько издателей он сменил за эти годы. Как мне представляется, Дэниел печатает Оуэна только потому, что рассчитывает таким способом показать, будто Оуэн простил ему подлость по отношению к Джо Нортю. На самом деле Оуэн и Дэниел друг друга терпеть не могут – это ни для кого не секрет.

Страйк вспомнил изображение молодого белокурого красавца на групповом портрете в агентстве Элизабет Тассел.

– А какую подлость Чард сделал Нортю?

– Всех подробностей я не знаю, – сказала Нина. – Но факт такой был. Оуэн клялся, что никогда больше не будет сотрудничать с Дэниелом, но потом ткнулся едва ли не в половину всех издательств и вынужден был сделать вид, что ошибался в отношении Дэниела; а Дэниел пошел ему навстречу потому, что счел это полезным для своего имиджа. Во всяком случае, молва гласит именно так.

– А с Джерри Уолдегрейвом Куайн тоже ссорился?

– Представьте, нет, как это ни удивительно. За что ему нападать на Джерри? У Джерри ангельский характер! Хотя, исходя из того, что я слышала, никто не может с уверенностью...

В первый раз за время их встречи она, как показалось Страйку, взвесила свои слова и заговорила чуть более трезво:

– Никто не может с уверенностью сказать, на что намекает Оуэн, описывая Джерри, но, повторяю, те главы я не читала. Оуэн вывел в книге множество людей, – продолжила Нина. – По моим сведениям, даже собственную жену и, кажется, Лиз Тассел: может, она и стервозина, но за Оуэна стоит горой, это все знают. Теперь Лиз не сможет пристроить в «Роупер Чард» ни одну рукопись: на нее ополчились все. Я знаю, что Дэниел распорядился аннулировать ее приглашение на сегодняшний фуршет, – это для нее крайне унижительно. Правда, через две недели будет чествование Ларри Пинклмена, он тоже ее подопечный, и тут уж никто не сможет помешать ей прийти... Ларри такой лапушка, его все любят... но как встретят Элизабет Тассел – можно только гадать. Ладно, – тряхнув светло-каштановой челкой, Нина резко сменила тему, – что мы скажем, если нас будут спрашивать, как мы познакомились? Вы – мой молодой человек или кто?

– А с гражданским мужем не возбраняется приходить на такие мероприятия?

– Нисколько, но я никому не говорила, что у меня кто-то есть, так что сошлись мы, наверное, совсем недавно. Скажем, что познакомились у общих друзей в прошлые выходные, идет?

В той готовности, с которой она предложила легенду их первой встречи, Страйк различил тревогу пополам с удовлетворенным тщеславием.

– Отлучусь на дорожку. – Тяжело поднявшись с деревянной скамьи, он предоставил Нине осушить третий бокал.

В «Старом чеширском сыре» лестница, ведущая в туалет, оказалась головокружительно крутой, а притолока – такой низкой, что Страйк, хотя и пригнулся, ударился головой. Потирая висок и тихо чертыхаясь, сыщик решил, что эта затрещина – знак свыше: дабы не

путал хорошую идею с плохой.

*Напомню, книгу видели у вас,
Куда, для сведений, вы заносили
Все имена преступников больших,
Что в городе укрылись.*

Джон Уэбстер.

Белый дьявол^[8]

По опыту Страйк знал, что к нему тянет женщин совершенно определенного типа. Их объединяли два качества: ум и опасные, как в плохо соединенных проводах, вспышки. Среди этих женщин нередко попадались вполне привлекательные и, как любил выражаться его самый старинный друг Дейв Полворт, «ненасытные». Страйк не задумывался, что именно привлекает к нему женщин такого типа, зато Полворт, мастер на многозначительные толкования, утверждал, что эти дамы («нервические породистые кобылки») подсознательно ищут себе «ломового жеребца».

Бывшая невеста Страйка, Шарлотта, была, можно сказать, чемпионкой этой породы. Красивая, умная, переменчивая и неуравновешенная, она много раз уходила от Страйка, а потом, невзирая на протесты родных и плохо скрываемое отвращение друзей, снова и снова возвращалась. В конце концов он сам положил конец этой череде расставаний и примирений длиной в шестнадцать лет, и Шарлотта почти сразу, в марте, обручилась со своим бывшим кавалером, у которого много лет назад, еще в Оксфорде, отбил ее Страйк. После разрыва с Шарлоттой Страйк добровольно поставил крест на своей личной жизни, сделав исключение лишь однажды, зато незабываемое. Все его время занимала работа, что позволяло успешно отражать атаки, скрытые или лобовые, его типичных клиенток, таких как недавняя обворожительная брюнетка: почти разведенная, изнашивающая от безделья и одиночества. Тем не менее перед ним всегда маячил риск уступить и, найдя утешение на одну-две ночи, создать себе новые проблемы. Вот и теперь, на темном Стрэнде, Нина Ласселс, делавшая два шажка на один размашистый шаг Страйка, твердила ему свой адрес в Сент-Джонс-Вуде, «чтобы выглядело так, будто ты там бывал». Она едва доходила ему до плеча, но Страйка никогда не привлекали миниатюрные женщины. Ее неудержимый словесный поток о делах издательства «Роупер Чард» перемежался неуместным хохотком, а когда ей требовалось подчеркнуть какую-то мысль, она трогала Страйка за локоть.

– Пришли, – наконец сообщила Нина, когда они оказались у высокого современного здания с вращающейся стеклянной дверью; на каменной кладке сверкала оранжевая плексигласовая надпись: «Роупер Чард».

Широкий вестибюль, где тут и там ожидали гости в вечерних туалетах, заканчивался стеной раздвижных металлических дверей. Нина достала из сумочки приглашение и предъявила его швейцару (нанятому на один вечер, судя по смокингу с чужого плеча), после чего вошла в зеркальный лифт вместе со Страйком и двумя десятками других.

– На этом этаже – комнаты для переговоров! – прокричала она Страйку, задрав голову,

когда они влились в толпу, заполнившую необъятное помещение, где под звуки оркестрика на танцевальной площадке кружились немногочисленные пары. – Просто сейчас убраны все перегородки. Ну... с кем ты хотел познакомиться?

– С любим, кто хорошо знает Куайна и может подсказать, где он находится.

– Разве что Джерри...

Очередная людская волна, хлынувшая из лифта, потеснила их и увлекла в самую гущу приглашенных. Страйку показалось, что Нина совсем по-детски вцепилась сзади в его пальто, но он в ответ не стал брать ее за руку или каким-либо иным способом создавать впечатление близких отношений. Он слышал, как Нина, не замедляя шага, несколько раз с кем-то поздоровалась. В конце концов они пробились к торцевой стене, где ломались от яств фуршетные столы и хлопотали официанты в белых куртках. Разговаривать, не повышая голоса до крика, здесь было невозможно. Страйк взял себе две изящные тарталетки с крабами и тут же отправил их в рот, сокрушаясь об их микроскопических размерах, пока Нина обводила глазами зал.

– Джерри здесь нет – наверное, курит на крыше. Поднимемся? Ого, смотри-ка, вот там – Дэниел Чард, снизошел до стада!

– Который?

– Лысый.

Вокруг главы компании образовалось почтительное свободное пространство, подобное кругу склоненной к земле пшеницы подле взлетающего вертолета. Дэниел Чард беседовал с соблазнительной девушкой в облегающем черном платье. Фаллус Импудикус; Страйк невольно хмыкнул, но лысина совершенно не портила Чарда. Вопреки ожиданиям Страйка этот человек был еще не стар, подтянут и даже в своем роде привлекателен: густые черные брови над глубоко посаженными глазами, орлиный нос, тонкие губы. Темно-серый костюм выглядел непримечательно, зато широкий розовато-лиловый галстук с рисунком из человеческих носов поражающе воображение. В одежде Страйк всегда придерживался традиционных вкусов (такое предпочтение только укрепилось в сержантском клубе), однако сейчас его заинтриговало это лаконичное, но красноречивое, то и дело привлекавшее насмешливые или удивленные взгляды заявление большого начальника о своем нонконформизме.

– А где же напитки? – забеспокоилась Нина, тщетно привставая на цыпочки.

– В той стороне. – У окон, выходящих на вечернюю Темзу, Страйк с высоты своего роста увидел барную стойку. – Подожди здесь, я принесу. Белое вино?

– Мне – шампусик, если Дэниел не поспешил.

Протискиваясь сквозь толпу, Страйк как бы ненароком оказался за спиной у Чарда, который предоставил девушке занимать его разговорами. Она делала это как-то вымученно, будто знала, что не блещет остроумием. На руке Чарда, сжимавшей бокал воды, виднелись глянцево-красные пятна экземы. Страйк резко остановился, якобы пропуская стайку молодых женщин, устремившихся в противоположную сторону.

– ...И это на самом деле было ужасно смешно, – нервозно говорила девушка в черном платье.

– Да, – скучающим голосом произнес Чард, – могу себе представить.

– А что в Нью-Йорке – все замечательно? То есть... не замечательно, а... с пользой? Интересная была программа? – спрашивала девушка.

– Насыщенная, – ответил Чард, и Страйк, не видевший его лица, угадал зевок. – На тему

электронных изданий.

Перед Страйком остановился грузный, уже изрядно выпивший (к половине девятого) человек в костюме-тройке и с преувеличенной любезностью начал пропускать его вперед. Страйку ничего не оставалось, кроме как подчиниться вычурному, безмолвному предложению и двинуться дальше.

– Вот спасибо, – сказала ему Нина, принимая бокал шампанского. – Ну что, можем теперь идти на крышу?

– Конечно. – Страйк тоже взял себе шампанское – не потому, что любил этот напиток, а потому, что не нашел ничего более приемлемого.

– Кто эта девушка, с которой беседует Дэниел Чард?

Ведя Страйка к металлической винтовой лестнице, Нина вытянула шею, чтобы посмотреть.

– Джоанна Уолдегрейв, дочка Джерри. Недавно закончила свой дебютный роман. А что? Она в твоём вкусе? – Нина с придыханием усмехнулась.

– Нет, – отрезал Страйк.

Они поднимались по сетчатым ступеням; Страйк вновь тяжело опирался на перила. На крыше здания ледяной вечерний воздух обжигал легкие. Среди вазонов с цветами, деревьев в кадках и бархатных квадратных лужаек повсюду стояли скамейки; здесь был даже залитый лунный светом пруд, где под черными листьями водяных лилий сновали огненные рыбки. Возле аккуратных лужаек гигантскими стальными грибами высились наружные обогреватели, под каждым из которых собирались курильщики. Повернувшись спиной к этой пасторально-синтетической красоте, они смотрели внутрь круга, образованного огоньками сигарет.

Панорама города, погруженного в бархатистую тьму и украшенного ювелирной подсветкой, захватывала дух: колесо обозрения «Лондонский глаз» сияло неоновыми голубыми бриллиантами, Оксо-Тауэр^{11} лучился рубинами окон, а с правой стороны уходили вдаль, сверкая золотом, Саутбэнк-центр, Биг-Бен и Вестминстерский дворец.

– Сюда. – Нина решительно взяла Страйка за руку и подвела к троице женщин, у которых, даже когда они не курили, дыхание клубилось белыми облачками.

– Привет, девочки, – сказала Нина. – Джерри не видели?

– Уже напился, – без обиняков сообщила рыженькая.

– Не может быть, – ахнула Нина, – он же так хорошо держался!

Долговязая блондинка через плечо процедила:

– На прошлой неделе в «Арбутусе»^{12} едва на ногах стоял.

– Это все из-за «Бомбикса Мори», – сказала раздражительного вида девица с коротко стриженными темными волосами. – У них даже сорвалась поездка в Париж по случаю годовщины свадьбы. Представляю, как распсиховалась Фенелла. Когда же он с ней разведется?

– Она тоже здесь? – оживилась блондинка.

– Да, бродит где-то, – подтвердила темноволосая девица. – Может, познакомишь, Нина?

После суматошной церемонии знакомства Страйк нипочем не сказал бы, кто здесь Миранда, кто Сара, а кто Эмма, но четверка женщин уже смаковала незавидную участь и пагубную привычку Джерри Уолдегрейва.

– Ему давным-давно надо было бросить Фенеллу, – продолжила темноволосая девица. – Такая стерва!

– Тсс, – шикнула Нина, и все четверо застыли как статуи: к ним неторопливо приближался мужчина примерно такого же роста, как Страйк.

Его круглое, одутловатое лицо частично скрывали большие очки в роговой оправе и растрепанные каштановые волосы. В руке он держал полный бокал красного вина, чудом не переливавшегося через край.

– Виноватое молчание, – отметил он с приветливой улыбкой. Такую звучную, нарочито четкую манеру речи Страйк не раз наблюдал у завзятых алкоголиков. – Угадаю с трех попыток, о чем вы тут беседуете: Бомбикс... Мори... Куайн. Здравствуйте, – обратился он к Страйку и протянул ему руку. Их глаза оказались на одном уровне. – Кажется, мы с вами еще не знакомы?

– Джерри, это Корморан. Корморан, это Джерри, – спохватилась Нина. – Мой спутник, – добавила она не столько для высоченного редактора, сколько для трех женщин.

– Камерон? – переспорил Уолдегрейв, прикладывая ладонь рупором к уху.

– Почти, – ответил Страйк.

– Извините, – сказал Уолдегрейв, – на одно ухо туговат. А вы, милые дамы, встретили Таинственного Незнакомца^{13} – и давай сплетничать, – натужно пошутил он, – в обход строжайших запретов мистера Чарда на разглашение нашей позорной тайны.

– Ты ведь нас не заложишь, Джерри? – заволновалась брюнетка.

– Если бы Дэниел всерьез пожелал замять историю с этой книгой, – взвилась рыженькая, оглянувшись через плечо на случай приближения босса, – он бы не стал гонять по всему городу юристов, чтобы те уладили вопрос. Знакомые уже оборвали мне телефон – все жаждут подробностей.

– Джерри, – собралась с духом брюнетка, – а почему и тебя вызывали к юристам?

– Потому что я тоже выведен в этой книге, Сара, – объяснил Уолдегрейв, сделав широкий жест стаканом и выплеснув часть содержимого на безупречную лужайку. – Влип так, что одни уши торчат, даром что глухие.

В знак протеста женщины возмущенно загалдели.

– Ты сделал Куайну столько добра – что такого он мог про тебя сказать? – настойчиво спрашивала брюнетка.

– Оуэн не желает мириться с моей беспричинной жестокостью... – пальцами свободной руки Уолдегрейв изобразил ножницы, – в отношении своих шедевров.

– И это все? – В голосе блондинки прозвучало легкое разочарование. – Тоже мне! При том, как он себя ведет, пусть скажет спасибо, что с ним самим еще кто-то мирится.

– Кажется, он опять залег на дно, – сказал Уолдегрейв. – Даже на звонки не отвечает.

– Подлый трус, – бросила рыженькая.

– Честно сказать, я за него беспокоюсь.

– За него? – не поверила своим ушам рыженькая. – Ты шутишь, Джерри.

– Прочитав эту книгу, ты бы тоже забеспокоилась, – возразил Уолдегрейв, тихонько икнув. – Сдается мне, Оуэн надломился. Роман больше похож на предсмертную записку.

Блондинка хихикнула, но тут же умолкла под взглядом Уолдегрейва.

– Я не шучу, – продолжил Джерри. – Мне кажется, у него произошел серьезный срыв. Под обычным для Оуэна ерничеством сквозит такой подтекст: весь мир против меня, все на меня ополчилось, все меня ненавидят...

– И правильно, – перебила блондинка. – Ни один человек в здравом уме не стал бы рассчитывать, что эта пакость будет опубликована. Вот он и скрылся.

– Не в первый раз, – досадливо сказала рыженькая. – Это его коронный номер. Дейзи Картер мне рассказывала: когда у них в «Дэвис-Грин» готовили к печати «Братьев Бальзак», Куайн дважды хлопал дверью и пропадал.

– Я за него беспокоюсь, – упрямо повторил Уолдегрейв и сделал изрядный глоток вина. – Вдруг он вскрыл себе вены...

– Чтобы Оуэн покончил с собой?! – фыркнула блондинка.

Уолдегрейв посмотрел на нее сверху вниз, и Страйк прочел в его взгляде жалость, смешанную с неприязнью.

– Представь себе, Миранда, люди иногда так и поступают, когда приходят к выводу, что у них отняли смысл жизни. Даже если страдания человека, по мнению окружающих, не стоят выеденного яйца, это его не остановит.

Блондинка с недоверчивым видом обвела глазами подруг, ища поддержки, но никто не встал на ее защиту.

– Писатели – особая порода, – сказал Уолдегрейв. – У человека либо талант, либо нормальный характер. Пускай бы мерзавка Лиз Тассел зарубила это себе на носу.

– Она говорит, что не знала содержания книги, – вступила в разговор Нина. – Рассказывает всем, что приболела и не смогла внимательно прочесть...

– Я знаю Лиз Тассел как облупленную! – рявкнул Уолдегрейв, и Страйк с интересом отметил, что добродушный, подвыпивший редактор вспыхнул неподдельной злостью. – Она прекрасно сознавала, что делает, когда рассылала эту рукопись. Решила напоследок выжать из Оуэна хоть какие-то деньги. Да и рекламу неплохую себе создала – у него же описан скандал с Фэнкортом, которого она ненавидела много лет, – но теперь ее песенка спета: предав своего клиента, она уже не отмоется. Гнусный поступок.

– Дэниел аннулировал ее приглашение, – сказала брюнетка, – а меня заставил ей дозвониться и сообщить. Вот ужас-то был.

– Джерри, а ты не догадываешься, куда мог податься Оуэн? – спросила Нина.

Уолдегрейв пожал плечами:

– Куда угодно. Только бы с ним ничего не случилось. Несмотря ни на что, я прикипел к этому обормоту.

– А что это за скандал с Фэнкортом, который у него описан? – спросила рыженькая. – Я слышала, все началось с какой-то рецензии...

Тут хором загалдели все, кроме Страйка, но голос Уолдегрейва возвысился над остальными, и подруги умолкли из инстинктивного почтения, какое проявляют женщины к мужчинам с ограниченными возможностями.

– Я думал, эта история уже всем известна, – сказал Уолдегрейв, еще раз тихонько икнув. – Если вкратце, первая жена Майкла, Элспет, написала роман, очень слабый. В одном из литературных журналов сразу появилась анонимная пародия. Элспет вырезала эту пародию, прикрепила к платью и отравилась газом на манер Сильвии Плат.

Рыженькая ахнула:

– Она покончила с собой?

– Вот именно, – сказал Уолдегрейв, отхлебнув еще вина. – Писатели же ненормальные.

– А кто был автором пародии?

– Все считали, что Оуэн. Сам он отпирался, но это и неудивительно, учитывая такой исход, – сказал Уолдегрейв. – Майкл после смерти жены прекратил всякое общение с Оуэном. Но в «Бомбиксе Мори» Оуэн весьма изобретательно намекает, что истинным

автором пародии был не кто иной, как Майкл.

– Боже мой! – ужаснулась рыженькая.

– Кстати, о Фэнкорте. – Уолдегрейв посмотрел на часы. – Должен вам сообщить, девушки, что в девять ноль-ноль в главном зале будет сделано важное объявление. Не пропустите.

Джерри отошел. Две подруги загасили сигареты и последовали за ним; блондинка направилась к другой компании.

– Джерри – чудо, правда? – обратилась Нина к Страйку, дрожа от холода в своем просторном шерстяном пальто.

– Великодушный человек, – сказал Страйк. – Как я понял, он один не признает у Куайна злого умысла. Вернемся в тепло?

К Страйку подбиралась усталость. Ему хотелось прийти домой и – как он говорил сам с собой – уложить ногу спать, а потом закрыть глаза и попробовать забыться на восемь часов кряду, чтобы утром с новыми силами отправиться выслеживать очередного неверного мужа.

В зале стало еще многолюднее. Нина несколько раз останавливалась, чтобы, перекрикивая музыку, поздороваться со знакомыми. Страйк был представлен коренастой создательнице женских романов, которую, похоже, ослепил весь этот гламур – дешевое шампанское и грохот музыки, а потом и жене Джерри Уолдегрейва, которая сквозь завесу спутанных черных волос осыпала Нину бурными хмельными приветствиями.

– Вечно стелется, – холодно сказала Нина, отойдя в сторону и направляя Страйка поближе к импровизированной сцене. – Она из очень денежной семьи и всем дает понять, что брак с Джерри для нее мезальянс. Невероятный снобизм.

– Зато, как я вижу, она ценит, что твой отец – адвокат Королевского суда, – отметил Страйк.

– Твоя память меня пугает. – Нина бросила на него восхищенный взгляд. – Нет, здесь другое... я ведь, ко всему прочему, леди Нина Ласселс. Только кого это волнует? Разве что таких, как Фенелла.

Техник уже настраивал микрофон на деревянной трибуне возле бара. На растяжке красовался логотип издательства «Роупер Чард» – веревочный узел между именем и фамилией, а сверху шла надпись: «100 лет со дня основания».

Во время томительного десятиминутного ожидания Страйк вежливо и к месту откликался на болтовню Нины, что давалось ему с трудом, учитывая ее малый рост и нарастающий шум в зале.

– А Ларри Пинклмен здесь? – спросил он, вспомнив престарелого детского писателя с портрета в кабинете Элизабет Тассел.

– Нет, он не выносит шумных сборищ, – радостно сообщила Нина.

– Но вы устраиваете точно такое же в его честь?

– Откуда ты знаешь?

– Ты сама мне сказала, в пабе.

– Ого, кто бы мог подумать, что ты меня слушаешь? Да, в честь переиздания его рождественских историй мы организуем ужин, но только для узкого круга. Ларри терпеть не может толпу, он такой стеснительный.

В конце концов к трибуне подошел Дэниел Чард. Разговоры стихли до шепота, а потом умолкли. Когда Чард положил перед собой заметки и откашлялся, Страйк почувствовал, что в воздухе повисло напряжение. Определенно не впервой выступает на публике, подумал

Страйк, а оратор никудышный. Через равные промежутки времени Чард машинально поднимал голову от бумажки и смотрел вверх толпы, чтобы ни с кем не встретиться глазами; порой его было едва слышно. Кратко изложив слушателям блистательную историю предшественников: издательств «Роупер паблишинг» и основанного его родным дедом «Чард букс», – описал их слияние, а также выразил – все так же сухо и монотонно – смиренный восторг и гордость по поводу того, что уже десять лет возглавляет компанию глобального масштаба. Его вялые шутки встречались преувеличенно оживленным смехом, который подогревался, как решил Страйк, чувством неловкости и воздействием алкоголя. Страйк невольно разглядывал красные, как будто обваренные кипятком, руки докладчика. В числе сослуживцев Страйка был в свое время парнишка-рядовой, у которого на нервной почве так обострялась экзема, что беднягу приходилось госпитализировать.

– Нет сомнения в том, – бубнил Чард, переворачивая, насколько мог судить Страйк (самый высокий человек в зале, да к тому же стоявший близко к трибуне), последнюю страницу своей речи, – что на современном этапе для книгоиздательского дела настало время стремительных перемен и новых задач, но одно остается неизблемым, как и сто лет назад: во главу угла ставится содержание. Сотрудничая с лучшими писателями всего мира, издательство «Роупер Чард» будет и впредь восхищать, вдохновлять и радовать. И в этой связи, – на близкое завершение мучений указал не эмоциональный подъем, а облегченный выдох, – имею честь и удовольствие сообщить вам, что на минувшей неделе мы подписали договор с одним из крупнейших писателей современности. Дамы и господа, встречайте: Майкл Фэнкорт!

По толпе ветерком пробежал ощутимый вдох. Какая-то женщина восторженно взвизгнула. В дальней части зала разразился гром аплодисментов, который трескучим огнем побегал вперед, к трибуне. Страйк успел заметить, как сзади запахнулась какая-то дверь, откуда появилась непомерно большая голова с кислым выражением лица, но сразу после этого восторженные сотрудники издательства сгрудились вокруг Фэнкорта. Прошло несколько минут, прежде чем он появился на сцене и пожал руку Чарду.

– С ума сойти, – взволнованно повторяла Нина, хлопая в ладоши, – с ума сойти!

Джерри Уолдегрейв, который оказался прямо напротив них, по другую сторону сцены, возвышался, подобно Страйку, над толпой, состоявшей преимущественно из женщин. Держа в руке очередной наполненный бокал, лишавший его возможности аплодировать, он без улыбки отпивал вино и наблюдал за Фэнкортом, который уже стоял перед микрофоном и жестом призывал к тишине.

– Спасибо, Дэн, – начал Фэнкорт. – Признаюсь, не ожидал когда-нибудь вновь оказаться здесь, – эти слова были встречены оглушительным взрывом смеха, – но ощущение такое, будто я вернулся домой. Меня издавал «Чард», меня издавал «Роупер», и это были хорошие времена. Я был сердитым молодым человеком... ^{14} – (разрозненные смешки), – теперь я сердитый пожилой человек... – (дружный смех и даже тонкая улыбка Дэниела Чарда), – и с нетерпением жду возможности рассердиться на каждого из вас. – (Заливистый хохот Чарда и толпы; пожалуй, во всем зале только Страйк и Уолдегрейв не сотрясались в конвульсиях.) – Я рад возвращению и буду всеми силами... как ты сказал, Дэн?.. восхищать, вдохновлять и радовать.

Под гром аплодисментов и вспышки камер двое ораторов пожали друг другу руки.

– Зуб даю, пол-лимона огреб, – выговорил за спиной у Страйка чей-то пьяный голос, – да еще штук десять за то, чтобы тут засветиться.

Фэнкорт спустился со сцены прямо перед Страйком. Его кислое лицо почти не меняло выражения перед камерами, но, когда к нему потянулись руки, он повеселел. Майкл Фэнкорт не отвергал обожателей.

– Ничего себе, – заговорила Нина. – Прямо не верится, да?

Непропорционально большая голова Фэнкорта скрылась в толпе. Откуда ни возьмись появилась Джоанна Уолдегрейв, которая пыталась пробиться к знаменитому писателю. Неожиданно у нее за спиной возник отец; нетрезво покачиваясь, он без церемоний схватил ее за локоть:

– Не приставай к нему, Джо, у него есть с кем поговорить.

– Что же ты маму не хватал за руку, когда она к нему рванулась?

На глазах у Страйка Джоанна, не на шутку разозлившись, зашагала прочь.

Дэниел Чард тоже исчез; Страйк предположил, что тот выскользнул за дверь, пока толпа обхаживала Фэнкорта.

– Ваше начальство не любит быть в центре внимания, – заметил Страйк, обращаясь к Нине.

– Говорят, раньше было еще хуже, – сказала Нина, не сводя взгляда с Фэнкорта. – Лет десять назад Дэниел вообще не отрывался от бумажки. Но при этом он прекрасный бизнесмен. Прозорливый.

Страйка терзала усталость, смешанная с любопытством.

– Нина, – заговорил он, отведя свою спутницу, без всяких возражений с ее стороны, подальше от наседавшей на Фэнкорта толпы, – как ты сказала, где находится рукопись Куайна?

– У Джерри в сейфе, – ответила Нина. – Этажом ниже. – С горящими глазами она потягивала шампанское. – Я правильно поняла, с какой целью ты интересуешься?

– Чем это тебе может грозить?

– Массой неприятностей, – беззаботно ответила она. – Но у меня с собой карточка-ключ, а люди слишком заняты, согласен?

У нее папаша (цинично напомнил себе Страйк) – адвокат Королевского суда. Такую попробуй уволить.

– Как по-твоему, мы сумеем снять копию?

– Попробуем, – сказала она, опрокидывая в себя последние капли.

В лифте они оказались вдвоем; на нужном этаже тоже было безлюдно и к тому же темно. Открыв своей картой дверь редакции, Нина уверенно повела Страйка мимо выключенных компьютерных мониторов и пустых столов к большому угловому отсеку. Свет проникал только из окон, за которыми сверкали незатухающие огни Лондона, и кое-где – от оранжевой точки, выдающей оставленный в режиме ожидания компьютер.

Кабинет Уолдегрейва оказался незапертым, но сейф, спрятанный за выдвижным книжным шкафом, открывался с кодонаборной панели. Нина ввела шифр. Дверца распахнулась, и Страйк увидел внутри неряшливую стопку бумажных листов.

– Ну вот! – удовлетворенно воскликнула Нина.

– Не шуми, – сказал ей Страйк.

Он стоял на стреме, пока она делала для него копию на ксероксе, установленном за дверью. Как ни странно, шелест страниц и непрерывное жужжание действовали успокаивающе. Никто не появился, никто не засек; через пятнадцать минут Нина вернула рукопись на место и заперла сейф.

– Держи.

Она протянула Страйку ксерокопию, предварительно стянутую прочными конторскими резинками. При этом Нина, слегка пошатнувшись, на миг прижалась к нему всем телом. Он должен был бы сделать ответный жест, но слишком умотался; его совершенно не привлекала возможность поехать с ней по затверженному адресу в Сент-Джонс-Вуд или привести ее к себе в мансарду на Денмарк-стрит. Страйк подумал, что в знак благодарности лучше всего было бы посидеть где-нибудь за бокалом вина завтра вечером. Но потом он вспомнил, что завтра вечером должен идти на день рождения к своей сестре. Люси, между прочим, дала понять, что он может прийти не один.

– Хочешь завтра пойти со мной на скучный ужин? – спросил он.

Явно окрыленная, Нина засмеялась:

– Почему скучный?

– По всему. Только ты сможешь его оживить. Ну как, согласна?

– Что ж... пожалуй, – не в силах скрыть свою радость, выговорила Нина.

Приглашение оказалось очень кстати; Страйк понял, что физического отклика больше не требуется. Они вышли из неосвещенной редакции вполне довольные друг другом. Под пальто Страйк придерживал копию рукописи «Бомбикса Мори». Записав адрес и телефон Нины, он благополучно посадил ее в такси и тем самым вернул себе легкость и свободу.

И там он готов просидеть целый день, читая подлые, поганые (провались они, не могу их терпеть), мерзкие стихи.

Бен Джонсон.

Каждый по-своему^[9]

На другой день был марш протеста против войны, на которой Страйк потерял ногу: многотысячная демонстрация с плакатами змеилась через сердце зябкого Лондона; в первых рядах шли семьи военнослужащих. Армейские друзья сообщили, что в числе демонстрантов будут родители Гэри Топли, погибшего при взрыве, который стоил Страйку ноги, но ему не пришло в голову к ним присоединиться. Его чувства не так-то просто было отобразить черным шрифтом на белом квадратном плакате. Любое дело выполняй на совесть – таков был его девиз и тогда, и теперь, а присоединиться к маршу означало бы выразить раскаяние, которого он не чувствовал. Поэтому Страйк пристегнул протез, надел выходной итальянский костюм и отправился на Бонд-стрит.

Вероломный муж, за которым пришлось вести слежку, настаивал, что его отлученная жена (обворожительная брюнетка, нанявшая Страйка), будучи в нетрезвом виде, по собственной небрежности лишилась ряда исключительно ценных ювелирных украшений, когда чета останавливалась в отеле. Страйк выждал, что у мужа этим утром назначена встреча на Бонд-стрит, и заподозрил, что часть якобы утерянных драгоценностей неожиданно выплывет на свет.

Когда объект зашел в ювелирный магазин, Страйк принялся изучать витрину на противоположной стороне улицы. Через полчаса, зафиксировав его уход, Страйк пошел пить кофе, выждал еще два часа и, уверенной походкой войдя в тот же ювелирный магазин, объявил, что его жена обожает изумруды; полчаса он разглядывал самые разные украшения и в конце концов дождался, чтобы ему показали то самое ожерелье, которое, как и подозревала брюнетка, прикарманил неверный муж. Страйк тут же выложил за украшение десять тысяч фунтов, выданных ему клиенткой для этой конкретной цели. Женщина, собиравшаяся отсудить миллионы, с легкостью пожертвовала такой суммой, чтобы доказать супружеский обман.

По дороге домой Страйк купил навынос кебаб. Убрав ожерелье в небольшой офисный сейф, обычно служивший для хранения компрометирующих фотографий, он поднялся к себе в мансарду, заварил кружку крепкого чая, снял костюм и включил телевизор, чтобы краем глаза посматривать, как будет развиваться матч «Арсенал» – «Хотспур». Вслед за тем он растянулся на кровати и начал читать рукопись, похищенную вчера вечером.

Как и сказала ему Элизабет Тассел, «Бомбикс Мори» представлял собой извращенную вариацию на тему «Пути паломника». Действие происходило в вымышленной ничейной стране, откуда заглавный герой (даровитый молодой писатель) отправился в своего рода символическое путешествие к некоему дальнему городу; путь его лежал через остров, населенный рожденными в инцесте дебилами, неспособными распознать его талант. Выморочные язык и образность были уже знакомы Страйку по «Братьям Бальзак», но

интерес к содержанию заставил его читать дальше.

Продираясь сквозь насыщенные, порой непристойные фразы, раньше других типажей он распознал Леонору Куайн. Блистательный юный Бомбикс, который вершил свой путь через местность, где его подстерегали разные опасности и чудовища, встретил Суккубу, лапидарно описанную как «отставная шлюха»; она захватила его в плен, связала, а потом ухитрилась изнасиловать. Леонора предстала точь-в-точь как в жизни: тщедушная, безвкусно одетая, в больших очках, без эмоций. После нескольких суток беспрестанного насилия Бомбикс вымолил у Суккубы свободу. От предстоящего расставания Суккуба так убивалась, что Бомбикс согласился взять ее с собой: это был первый из множества странных, бредовых эпизодов-перевертышей, где зло и ужас без какого-либо повода или обоснования перетекали в доброе, разумное начало.

Через несколько страниц на Бомбикса и Суккубу напало чудовище по прозвищу Пиявка, в котором Страйк без труда узнал Элизабет Тассел: устрашающего вида, с квадратным подбородком и хриплым голосом. И вновь Бомбикс подвергся насилию, а потом сжалился и разрешил этому чудовищу пойти с ним. У Пиявки была отвратительная привычка сосать грудь Бомбикса, пока тот спал. Бомбикс начал худеть и терять силы.

Половая принадлежность Бомбикса оказалась странно изменчивой. Мало того что он кормил грудью, вскоре у него обнаружили признаки беременности, и все это время он ублажал женщин-нимфоманок, то и дело встречавшихся на его пути.

Сражаясь с этим цветистым непотребством, Страйк мог лишь гадать, сколько портретов реальных лиц он пропустил по незнанию. Кровавые сцены с участием Бомбикса и встреченных им персонажей сбивали с толку; порочность и жестокость доходили до того, что ни одно отверстие не оставалось нетронутым: это была садомазохистская фантазмагория. Однако через все события красной нитью проходила основная тема: чистота и невинность Бомбикса. Вероятно, констатация его гения, хоть и ничем не подкрепленная, должна была заставить читателя простить герою все преступления, которые тот безоглядно совершал в сговоре с малопонятными монстрами. Перекладывая листы, Страйк вспоминал слова Джерри Уолдегрейва о том, что Куайн – ненормальный; теперь такой взгляд казался ему резонным...

С минуты на минуту должен был начаться футбол. Отложив рукопись, Страйк почувствовал себя так, словно долгое время томился в темном, грязном подвале, без света и воздуха. Теперь у него оставалось только одно светлое предчувствие – уверенность в победе «Арсенала»... «Спурсы» вот уже семнадцать лет не могли обыграть этого противника на его поле.

И в течение сорока пяти минут Страйк наслаждался жизнью: он шумно болел за любимую команду и дождался счета два – ноль.

После первого тайма он с неохотой выключил звук и вернулся в причудливый мир, созданный воображением Оуэна Куайна. Никого из знакомых лиц он там не находил до тех самых пор, пока Бомбикс не приблизился к заветному городу. Здесь, на мосту, перекинутом через ров у городских стен, маячила крупная, нескладная, близорукая фигура: Резчик. Такой приметой, как очки в роговой оправе, у Резчика не было, зато он носил мягкую шляпу; на плече у него болтался окровавленный, извивающийся мешок. Резчик предложил провести Бомбикса, Суккубу и Пиявку в город через потайной ход. Уже притерпевшись к сценам сексуального насилия, Страйк не удивился, когда Резчик задумал кастрировать Бомбикса. Во время их драки Резчик уронил заплечный мешок, из которого выскользнула карлица. Резчик

погнался за ней – и упустил Бомбикса, Суккубу и Пиявку. Те нашли в стене лаз, пробрались в город и, оглянувшись, увидели, как Резчик пытается утопить крошечное создание во рву.

Углубившись в чтение, Страйк прозевал начало второго тайма. Он поднял взгляд на безмолвный экран.

– Черт!

Два – два. Уму непостижимо: «спурсы» сравняли счет. Страйк в сердцах отшвырнул рукопись. Защита «Арсенала» рушилась у него на глазах. А ведь победа была так близка. «Канонирам» прочили первое место в лиге.

– БЛИН! – заорал Страйк через десять минут, когда Фабиански пропустил удар головой. «Спурсы» победили.

Матерясь, он выключил телевизор и сверился с часами. На то, чтобы принять душ, одеться и заехать за Ниной Ласселс в Сент-Джонс-Вуд, оставалось всего тридцать минут; поездка в Бромли и обратно грозила ощутимо ударить по карману. Страйк с отвращением прогнозировал содержание последней четверти романа и сочувствовал Элизабет Тассел, которая вообще не одолела заключительные пассажи. Кроме любопытства, он не смог бы назвать иной причины, побуждавшей его читать дальше.

В досаде и унынии Страйк поплелся в душ, сожалея о невозможности провести этот вечер дома, и при этом, вопреки здравому смыслу, твердил себе, что, не отдай он все свое внимание скабрезному, кошмарному мирку Бомбикса Мори, «Арсенал» мог бы победить.

Но послушайте меня: нынче в столице родство не модно.

Уильям Конгрив.

Так поступают в свете^[10]

– Ну? Как тебе «Бомбикс Мори»? – спросила Нина, когда они отъезжали от ее дома в такси, на которое у него едва хватало денег. Не пригласи он ее с собой – поехал бы в Бромли и обратно на общественном транспорте, пусть это долго и с неудобствами.

– Плод больного воображения, – ответил Страйк.

Нина рассмеялась:

– Ты еще не читал другие книги Оуэна; они немногим лучше. Здесь хотя бы присутствует элемент мистификации. А как тебе гнойный член Дэниела?

– До этого я еще не дочитал. Предвкушаю с нетерпением.

Под вчерашним шерстяным пальто у Нины было облегающее черное платье на бретельках, которое Страйк рассмотрел со всех сторон у нее в квартире, пока Нина собирала сумочку и искала ключи. Кроме того, она прихватила из холодильника бутылку вина, когда увидела, что Страйк собирается в гости с пустыми руками. Умненькая, симпатичная, воспитанная девушка, но ее готовность бежать за ним по первому зову на следующий день после их знакомства, да еще в субботу вечером, выдавала безрассудство, а то и неприкаянность.

Что за игру он затеял, в который раз спрашивал себя Страйк, когда они выезжали из центра Лондона и двигались в направлении мирка собственников, чьи просторные дома напичканы кофемашинами и телевизорами с высоким разрешением, – в направлении всего, чем он никогда не обладал, но, по мнению своей не в меру заботливой сестры, жаждал разжиться.

До чего же это в духе Люси: устроить празднование его дня рождения у себя в доме. Она была полностью лишена воображения и считала свой дом, где вечно выглядела загнанной, верхом притягательности. Устроить совершенно не нужное брату застолье – вполне в ее духе: она просто не могла понять, что ему это в тягость.

В том мире, где обитала Люси, дни рождения отмечались неукоснительно: с тортом и свечками, с открытками и подарками, честь честью, как положено, заведенным порядком.

Когда такси проезжало под Темзой по Блэкуоллскому тоннелю, унося их на южную окраину города, Страйк осознал, что привести Нину на семейное торжество равносильно бунту. Пусть на коленях у нее чинно лежала традиционная бутылка вина, Нина была взрывной личностью, готовой на риск и авантюры. Она жила одна и привыкла беседовать о книгах, а не о детях; Люси совсем не так представляла себе настоящую женщину.

Примерно через час после выхода из дома на Денмарк-стрит, облегчив содержимое бумажника на пятьдесят фунтов, Страйк помог Нине выйти из такси в холодные сумерки и повел ее по дорожке под раскидистой магнолией, заполонившей почти весь палисадник. Перед тем как позвонить в дверь, Страйк с неохотой признался:

– Я тебе не сказал: тут отмечается день рождения. Мой.

– Ой, что же ты молчал! Поздравляю...

– У меня – не сегодня, – запротестовал Страйк. – Да и вообще... – И нажал кнопку звонка.

Им открыл зять Страйка, Грег. Последовало хлопанье по плечам и преувеличенное излияние восторга по поводу прихода Нины. Люси, которая с кухонной лопаточкой наперевес и в переднике поверх нарядного платья поспешила навстречу гостям, не разделяла эмоций мужа.

– Мог бы сказать, что придешь не один! – зашипела она Страйку на ухо, когда тот наклонился, чтобы чмокнуть ее в щеку.

Никто не верил, что Люси, невысокая, круглолицая блондинка, приходится ему сестрой. Она родилась от романа его матери с очередным известным музыкантом. Ритм-гитарист по имени Рик, в отличие от отца Страйка, поддерживал хорошие отношения со своим потомством.

– Мне казалось, ты сама просила меня кого-нибудь привести, – шепнул ей Страйк, когда Грег повел Нину в гостиную.

– Я только спросила, ты один придешь или нет. – Люси не на шутку рассердилась. – Господи... теперь придется ставить дополнительный... а Маргарита, бедняжка...

– Кто такая Маргарита? – не понял Страйк, но Люси, все с той же лопаткой наперевес, куда-то умчалась, а виновник торжества так и застыл в прихожей.

Ему не оставалось ничего другого, кроме как со вздохом последовать в гостиную за Грегом и Ниной.

– Сюрприз! – воскликнул лысеющий светловолосый человек и поднялся с дивана, где сидела, поблескивая очками, его сияющая от радости жена.

– Кого я вижу! – сказал Страйк и с неподдельным чувством пожал протянутую ему руку. Ник и Илса были его старинными друзьями: в их семье, как нигде, удачно соединились две половины его юности: Лондон и Корнуолл. – Мне никто не сказал, что вы придете!

– И правильно, это же сюрприз, Огги, – говорил Ник, пока Страйк целовал Илсу. – Ты знаком с Маргаритой?

– Нет, – ответил Страйк, – не знаком.

Вот, значит, почему Люси интересовалась, один ли он придет; она пригласила для брата женщину, с которой, по ее мысли, тот должен был сойтись и пожениться, чтобы жить долго и счастливо в таком же доме – с магнолией во весь палисадник. У Маргариты было мрачное, смуглое лицо с жирной кожей; блестящее фиолетовое платье сохранилось, по всей видимости, еще с тех времен, когда его владелица была несколько стройнее. Наметанным глазом Страйк определил, что Маргарита разведена.

– Здравствуйте, – с горькой обидой сказала женщина; худышка Нина в открытом черном платье болтала с Грегом.

Наконец они всемером сели за стол. С тех пор как Страйк был демобилизован по ранению, он почти не виделся с оставшимися на гражданке друзьями: добровольно взваленная им на себя работа стерла границы между буднями и праздниками. Теперь он заново ощутил, как дороги ему Ник и Илса; куда приятней было бы посидеть где-нибудь втроем, заказав обыкновенное карри.

– Как вы познакомились с Кормораном? – не скрывая любопытства, спросила их Нина.

– Он в Корнуолле бегал со мной вместе в школу, – улыбнулась Илса, глядя через стол на Страйка. – Время от времени. То появлялся, то исчезал, верно я говорю, Корм?

И за копченым лососем начались рассказы о бестолковом детстве Страйка и Люси, об их скитаниях вместе с гулякой-матерью и непременных возвращениях в Сент-Моз, где жили дядя с теткой, заменявшие детям нормальную семью.

– А потом мать окончательно забрала Корма в Лондон. Ему тогда было... сколько – семнадцать? – вспоминала Илса.

Страйк видел, что Люси коробит этот разговор: она не любила вспоминать об их весьма специфическом воспитании, о пресловутой матери.

– И там он попал в нормальную общеобразовательную школу, в мой класс, – подхватил Ник. – Славное было времечко.

– Знакомство с Ником пошло мне на пользу, – вставил Страйк. – Он знает Лондон как свои пять пальцев: у него отец таксист.

– Вы тоже работаете в такси? – спросила Нина, заинтригованная такими экзотическими связями Страйка.

– Нет, – жизнерадостно откликнулся Ник, – я гастроэнтеролог. Мы с Огги вместе отмечали восемнадцатилетие...

– ...И Корм позвал двух ребят из Сент-Моза: меня и своего друга Дейва. Я тогда впервые увидела Лондон – вот радости-то было!.. – продолжила Илса.

– ...так мы с женой и познакомились, – с улыбкой закончил Ник.

– И за столько лет детей не нажили? – спросил Грег, самодовольный отец троих сыновей.

Наступила едва заметная пауза. Страйк знал, что Ник с Илсой очень хотели ребенка и много чего предпринимали, чтобы стать родителями, но безуспешно.

– Пока нет, – ответил Ник. – А вы чем занимаетесь, Нина?

Заслышав название «Роупер Чард», Маргарита немного оживилась; до этого она не сводила насупленного взгляда со Страйка, словно это был лакомый кусочек, оставленный по злому умыслу на дальнем конце стола.

– В «Роупер Чард» будет теперь печататься Майкл Фэнкорт, – сообщила она. – Я сегодня утром прочла на его сайте.

– Мать честная, только вчера сделали официальное заявление! – воскликнула Нина.

Слетевшее с ее уст выражение «мать честная» напомнило Страйку, как Доминик Калпеппер обращался к официанту «братан». Нина, видимо, решила произвести впечатление на Ника и заодно продемонстрировать Страйку свое умение общаться с пролетариатом. (Шарлотта, бывшая невеста Страйка, ни под каким видом, ни для кого не меняла свою манеру речи. И на дух не выносила его друзей.)

– Ой, до чего мне нравится Майкл Фэнкорт, – сказала Маргарита. – «Дом пустоты» вообще моя любимая вещь. И русских писателей люблю; мне Фэнкорт чем-то Достоевского напоминает...

Люси, как понял Страйк, наговорила, что брат у нее умный, в Оксфорде учился. А ему хотелось, чтобы эту гостью унесло куда-нибудь за тридевять земель и чтобы сестра хоть чуточку его понимала.

– Фэнкорт не даются женские образы, – безапелляционно заявила Нина. – Он старается, но если не дано, так не дано. У него женщины – это сплошные темпераменты, титьки и тампоны.

Заслышав неожиданное «титьки», Ник фыркнул в бокал с вином; Страйк заржал оттого, что заржал Ник; Илса со смешком одернула:

– Господи, по тридцать шесть лет мужикам!

– Я считаю, он великолепно пишет, – без тени улыбки гнула свое Маргарита. У нее только что увели из-под носа потенциального кавалера – пусть толстого и без ноги; отдавать еще и Майкла Фэнкорта она не собиралась. – И собой хорош необыкновенно. Умный, непростой – я всегда на таких западаю, – со вздохом добавила она, явно адресуя Люси намек на какие-то трагедии прошлого.

– У него голова слишком большая, как будто от чужого туловища, – сказала Нина, с легкостью забыв свое вчерашнее благоговение перед Фэнкортом, – а надменность просто феноменальная.

– Я считаю, он очень благородно поступил с этим молодым американским писателем, – продолжила Маргарита, когда Люси стала менять тарелки и жестом позвала Грега помочь ей на кухне. – Докончил за него книгу... а сам этот молодой писатель... он от СПИДа умер... как его?..

– Джо Норт, – подсказала Нина.

– Стесняюсь спросить: как ты нашел в себе силы прийти? – вполголоса обратился к Страйку Ник. – После сегодняшнего позора.

К сожалению, Ник болел за «спурсов».

Грег, появившийся из кухни с бараньим окороком на блюде, мгновенно ухватился за эти слова:

– Какая невезуха, да, Корм? Когда все уже считали, что дело в шляпе!

– Что за разговоры? – ставя на стол блюда с картофелем и овощами, возмутилась Люси, как учительница, призывающая к порядку школяров. – Прошу тебя, Грег, ни слова о футболе!

Маргарита вновь перехватила инициативу:

– Да, роман «Дом пустоты» был навеян образом того дома, который завещал Фэнкору его покойный друг. Там они в молодости провели много счастливых часов. Это очень трогательно. Настоящая история сожалений, потерь, напрасных чаяний...

– Строго говоря, Джо Норт завещал дом в равных долях Майклу Фэнкору и Оуэну Куайну, – со знанием дела поправила ее Нина. – И каждый из наследников потом создал роман, навеянный этим домом; роману Майкла дали Букеровскую премию, а роман Оуэна смешали с грязью, – добавила она, повернувшись к Страйку.

– И что сейчас с этим их домом? – спросил у нее Страйк, когда Люси обносила гостей блюдом с бараниной.

– Ох, этой истории сто лет, – ответила Нина. – Продали, наверное. Разве они бы согласились хоть чем-то владеть совместно? Эти двое ненавидят друг друга лютой ненавистью. С того дня, когда Элспет Фэнкорт покончила с собой из-за пресловутой пародии.

– А где находится этот дом, не знаешь?

– *Ego* там все равно нет, – полушепотом сказала Нина.

– Кого нет? Где? – спросила Люси с плохо скрываемым раздражением.

Ее планы относительно устройства братовой судьбы сорвались. Она уже невзлюбила Нину на всю оставшуюся жизнь.

– Один из наших авторов куда-то пропал, – объяснила ей Нина. – И его жена попросила Корморана заняться поисками.

– Успешный человек? – поинтересовался Грег.

Жена Грега, несомненно, прожужжала ему все уши насчет своего гениального брата,

труженика и бессребреника, но словечко «успешный», получившее особый смысл в устах Грега, будто крапивой обожгло Страйка.

– Нет, – ответил он, – Куайна успешным не назовешь.

– А кто конкретно тебя нанял, Корм? – забеспокоилась Люси. – Издатели?

– Его жена, – сказал Страйк.

– Но денег-то у нее хватит на оплату твоих услуг? – спросил Грег. – Запомни, Корм: никакой благотворительности. В твоем деле это должно стать заповедью номер один.

– Стесняюсь спросить: почему ты не записываешь эти мудрые мысли? – шепнул Страйку Ник, воспользовавшись тем, что Люси пичкала Маргариту всеми угощениями подряд (в качестве компенсации за то, что ее подруга не сможет пригласить Страйка к себе, затащить под венец и обосноваться с ним в соседнем доме, где будет сверкать новенькая кофемашина от Люси-и-Грега).

От стола все перешли в гостиную, где красовался гарнитур мягкой кожаной мебели цвета беж из трех предметов, и там состоялось вручение подарков и открыток. Люси с Грегом подарили Страйку новые часы. «Потому что старые твои, как я помню, свое отслужили», – сказала Люси. Тронутый ее вниманием, Страйк на время даже простил ей и это насильственное торжество, и занудливые упреки по поводу его личной жизни, и брак с Грегом... Он снял свои дешевые, но практичные часы, купленные взамен отслуживших, и надел подаренные родственниками: блестящие, на металлическом браслете, точь-в-точь как у Грега.

Ник с Илсой преподнесли ему «виски, по твоему вкусу»: односолодовый «Арран», вмиг напомнивший ему о Шарлотте, с которой он впервые попробовал этот сорт, но сентиментальные воспоминания были прерваны неожиданным появлением трех фигурок в пижамах. Самый высокий из ребятишек спросил:

[Купить полную версию книги](#)

notes

Перевод М. Донского.

Перевод И. Аксенова.

Перевод Р. Померанцевой.

Перевод П. Соколовой.

Перевод Р. Померанцевой.

Перевод П. Мелковой.

Перевод Я. Блоха и Р. Блох.

Перевод И. Аксенова.

Перевод П. Соколовой.

Перевод Р. Померанцевой.

Роуз Уэст – Розмари Уэст (р. 1953) – серийная убийца, лишившая жизни, не без помощи своего мужа Фреда, десять женщин. В настоящее время отбывает пожизненное тюремное заключение.

Пак – в английском фольклоре проказливый лесной дух и домовый. Известен также под эвфемистическим именем Робин Славный Малый. Пак фигурирует в комедии У. Шекспира «Сон в летнюю ночь».

«*Путь паломника*» (рус. тж. «Путь пилигрима», «Путешествие пилигрима») – аллегорический роман английского писателя и проповедника Джона Беньяна (1628–1688).

Леди Оттолайн Моррелл (1873–1938) – английская аристократка и покровительница искусств. В 1902 г. вышла замуж за политического деятеля Филипа Моррелла; супруги по взаимному согласию вели свободный образ жизни. Светский салон леди Моррелл в Лондоне посещали известнейшие деятели культуры Великобритании. По мнению ряда исследователей, леди Оттолайн Моррелл стала прообразом леди Чаттерлей в романе Д. Г. Лоуренса «Любовник леди Чаттерлей».

Romans à clef (фр. «романы с ключом») – романы, в которых под вымышленными именами выведены известные личности.

Стадион «Эмирейтс» – домашний стадион футбольного клуба «Арсенал»; построен в 2006 г.

...Джон Гей, «Опера нищего». – Идея сатирической пьесы «Опера нищего», действие которой происходит в среде проституток и воров, была предложена в 1716 г. Джонатаном Свифтом. Впоследствии «Опера нищего» Дж. Гея (1685–1732), цитируемая здесь в переводе П. Мелковой, легла в основу «Трехгрошовой оперы» Бертольта Брехта. Новая редакция музыки принадлежит Бенджамину Бриттону.

Была же у кого-то фраза, что, мол, неосмысленная жизнь не стоит того, чтобы жить. / – Да, у Платона... – Цитируется высказывание Сократа, приведенное в «Апологии» Платона.

«Манго три» (англ. Mango Tree – «Дерево манго») – самый дорогой ресторан тайской кухни в Лондоне.

Темпл-бар – поставленная в 1880 г. декоративная колонна на месте одноименных ворот, стоявших на границе между Сити и Вестминстером. Там по традиции монарх должен получить у лорд-мэра символическое разрешение на въезд в Сити.

Оксо-Тауэр – одна из достопримечательностей Лондона: здание в стиле ар-деко на берегу Темзы, построенное в конце XIX в. и позднее реконструированное в стиле ар-деко новым владельцем, производителем бульонных кубиков «Оксо». Поскольку городские власти запретили размещать на здании световую рекламу, владелец соорудил над ним высокую башню с окнами в виде букв ОХО.

«*Арбутус*» – небольшой эксклюзивный ресторан в лондонском Сохо; часто служит местом деловых встреч.

А вы, милые дамы, встретили Таинственного Незнакомца... – аллюзия к названию фильма Вуди Аллена «Ты встретишь таинственного незнакомца» (2010).

Я был сердитым молодым человеком... – аллюзия к обозначению группы английских писателей («Сердитые молодые люди» или «Рассерженные молодые люди»), дебютировавших в 1950-е гг. и представлявших социально-критическое движение в литературе своего времени. К этому течению принадлежали Джон Осборн, Джон Уэйн, Алан Силлитоу, Джон Брейн и др.